

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.
1916.

(съ 1 портретомъ и 7 таблицами).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линия, № 12.
1917.

Келяшинъ, стела у Топузавѣ и древнѣйшіе памятники вблизи Урмійскаго озера.

Въ 1911 г. во время поѣздки по оккупированнымъ турками персидскимъ округамъ я не былъ допущенъ на западъ отъ Ушну далѣе Шейх-Ибрахима¹. Лишь три года спустя, будучи комиссаромъ по турецко-персидскому разграниченію, я имѣлъ возможность побывать на перевалѣ у знаменитой халдской (урартской) стелы Келяшинъ и проникнуть далѣе вглубь Турціи до памятника той же эпохи, который стоитъ между деревнями Топузавѣ и Сядаканъ и еще не посѣщался русскими путешественниками.

Келяшинъ вызвалъ въ прошломъ столько недоразумѣній², а въ настоящемъ какъ онъ, такъ и памятникъ у дер. Топузавѣ возбуждаютъ еще такой рядъ вопросовъ, что я рѣшаюся привести въ систему мои бѣглыя путевыя замѣтки и результаты послѣдующихъ розысковъ относящейся сюда литературы³. Дополненіемъ къ этимъ матеріаламъ является моя попытка дать перечень древнѣйшихъ памятниковъ въ прилегающемъ къ Келяшину районѣ Урмійскаго озера.

---

¹ Это древнее христіанское святилище, еще существовавшее въ 1852 г., теперь лежитъ въ развалинахъ, но, повидимому, до сихъ поръ посѣщается паломниками, такъ какъ около него мы встрѣтили толпу мусульманокъ, ведшихъ кликушу къ «Шейху». О Шейх-Ибрахимѣ и почитаніи его христіанами и мусульманами см. Rawlinson, JRGS, X, 17; Чириковъ, Путев. Журн., 1875, 465—весьма подробное описаніе; Max. Bittner, Der Kurden-gau Uschnûje etc., Sitzungsber. Wien. Akad., CXXXIII, v. 3, стр. 56. Теперь въ Ушну не осталось христіанъ. Интересно, что двѣ деревни этого округа, Сэргисъ и Дынка, до сихъ поръ носятъ христіанскія названія.

² Rawlinson не замѣтилъ ассирійскаго текста на обратной сторонѣ памятника; Scheil предположилъ, что Morgan снялъ иной памятникъ, нежели ранѣе описанный путешественниками; Scheil, Belck и Lehmann (Sitz. Berl. Akad., 1900) утверждали сперва, что ассирійская и халдская надписи не однозначущи, вопреки Saussure'у, мнѣніе котораго теперь окончательно восторжествовало.

³ Соответственные матеріалы крайне разбросаны, въ особенности въ виду раздробленности трудовъ германской экспедиціи 1898 г. Считаю долгомъ выразить мою глубокую признательность Б. А. Тураеву и Я. И. Смирнову за всѣ справки, помощь въ розыскахъ книгъ и т. д.

I.

Келяшинъ.

Арабскіе писатели о Келяшинѣ. Европейскіе путешественники: Schulz, Rawlinson, Rosch, Н. В. Ханьковъ, Е. И. Чириковъ, O. Blau, de Morgan, Belck и Lehmann. Посѣщеніе Келяшина въ 1914 г. и его описаніе. Извѣстные переводы надписей. Смыслъ географическаго положенія Келяшина. Другіе одноименные памятники.

Въ работахъ, посвященныхъ халдскимъ древностямъ, не отмѣчались восходящіе къ X в. нашей эры упоминанія Келяшина, которыя впервые нашелъ у арабскихъ писателей G. Hoffmann¹.

Табари (ed. Goeje, I, 440), передавая сказаніе о военныхъ подвигахъ іеменскаго царя Рәйш-ибн-Қайсъ (отца Абрахи), говоритъ: «затѣмъ (онъ пошелъ войною) на Анбаръ, затѣмъ на Мосуль, откуда онъ выслалъ отрядъ подъ начальствомъ одного изъ своихъ сотоварищей, по имени Шамръ ибн-аль-‘Аттѣфъ (?). Послѣдній двинулся на турокъ въ страну Азербайджанъ, находившуюся тогда въ ихъ (т. е. турокъ) рукахъ, устроилъ (великое) побоище, взялъ въ полонъ молодежь и начерталъ (все), что касалось его похода, на двухъ камняхъ (حجرین), извѣстныхъ въ странѣ Азербайджанъ».

Ту же легенду съ ничтожными стилистическими измѣненіями повторилъ въ началѣ XIII вѣка Ибн-аль-Аспръ². Путь Шамра: Мосуль—Азербайджанъ говоритъ въ пользу предположенія, что въ легендѣ отразились свѣдѣнія именно о Келяшинѣ и стелѣ у Топузавѣ.

Гораздо болѣе подробны указанія арабской историко-географической энциклопедіи XIV в.: *مسالك الابصار في ممالك الامصار*³ Шеһаб-ед-дина аль-‘Омари (697 или 700—749 г. Х.). Относительно курдовъ зерзари⁴, донныѣ подъ именемъ зерза населяющихъ части Ушну, Шемдинана и т. д., авторъ говоритъ нижеслѣдующее:⁵ «leur territoire s'étend depuis Marat

¹ Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer, 1880, 249—50.

² Аль-Кәмиль, ed. Tornberg, I, 118.

³ Переводъ неизданнаго текста см. у Quatremère въ Notices et extraits, XIII, 1638, гдѣ о курдахъ 300—329. Этимъ источникомъ отчасти пользовался Лерхъ въ своемъ трудѣ о курдахъ. У Шеһаб-ед-дина важно указаніе размещенія племенъ въ его время, основанное, очевидно, въ значительной мѣрѣ на показаніяхъ самихъ курдовъ, пріѣзжавшихъ въ Египетъ.

⁴ Шеһаб-ед-динъ говоритъ, что «зерзари» по-персидски значитъ «дѣти золота» (ولد الذهب) конектура Quatremère вмѣсто *ولد الذيب* — «дѣти волка»). Какова бы ни была народная этимологія, ясно, что во второй части названія она подразумеваетъ «курдское зәррү (дѣтя). О зерза см. شرفنامه изд. Вельям.-Зернова, I, 278, 280 (пер. Чагматю II, часть I, 134, 136). Ср. также Rawlinson, о. с. 17 и мою работу о «Насел. нѣкотор. погранич. округовъ» изд. Мин. Ил. Дѣлъ, 1915, стр. 459.

⁵ Переводъ Quatremère, стр. 315.

مرج¹ jusqu'à la montagne de Handjarein جبل حمرين qui domine Asnah à droite². C'est un roc élevé dont le sommet domine les montagnes environnantes. L'air y est froid et attire les nuages d'une manière particulière, comme pourrait faire l'aimant. Sur cette sommité sont posées comme avertissement pour les voyageurs, trois pierres, dont chacune a de longueur 10 palmes, de largeur le quart de cette mesure, et d'épaisseur environ deux tiers de coudée. Chacune d'elles est taillée sur toutes les faces, et enchassée dans une pierre carrée, dont l'épaisseur dépasse une coudée. Chacune porte une inscription antique, dont les lettres sont effacées et n'offrent plus que quelques vestiges. Elles sont formées d'une substance verte et dure sur qui le chaud et le froid ne produisent aucune altération, et qui, dans l'espace de plusieurs milliers d'années, éprouve à peine une impression presque imperceptible. De ces trois pierres, celle du milieu est placée sur le sommet de la montagne. Les deux autres sont posées aux deux tiers de chacune des deux pentes, où on les rencontre soit en montant, soit en descendant. On assure qu'elles ont été mises là pour avertir les passants, et que les inscriptions gravées sur leurs faces indiquaient les personnes qui avaient péri, durant l'été³, par l'effet du froid et de la neige. Au pied de cette montagne, les Curdes lèvent un droit sur les voyageurs et racontent ou dissimulent les accidents funestes causés par le froid».

Выдержка эта показывает, какими основательными свѣдѣніями пользовался Шегаб-ед-динъ при описаніи Курдистана, но нельзя не отмѣтить и неточностей его.

¹ Читай «Мартъ» (ср. Hoffmann, 247),—по Якуту (IV, 486) деревня на дорогѣ въ Тебризъ, въ 1 переходѣ отъ Урміи, т. е. вѣроятно, въ округахъ Доль или Дешта-белъ; послѣдній до сихъ поръ входитъ въ сферу вліянія ушнуйскихъ зерра. Возможно, что Мартъ сирийское названіе (=госпожа: Март-Марья?) какой нибудь исчезнувшей христіанской деревни. На русской картѣ по близости Дола указаны названія горъ Мар-Шалыта, Маравазъ (Мар-Абасъ?), несомнѣнно, сирийскаго происхожденія.

² Уже Hoffmann предложилъ чтеніе حمرین, прекрасно совпадающее съ вышеприведенными отрывками Табари и Ибн-аль-Асира. Возможно, что это ученое названіе. Якутъ (ed. Wüstenfeld, III, 298) подъ словомъ Ша'р'анъ говоритъ: «такъ называется гора въ Мосулѣ, (другіе) говорятъ, въ округѣ Шехризуръ. Ибн-е-Секкитъ говоритъ, что Ша'р'анъ находится въ округѣ Бѣ-джермакъ [по-сирийски: Бет-Гармай] и называется аль-Кандиль, по-персидски Тахти-Шірвейн; это весьма воздланная гора: на нихъ всякіе плоды и разнообразныя птицы и на нихъ зимой и лѣтомъ сѣѣтъ великій. Когда выйдешь изъ Дакуѣ, предъ тобой явится тотъ склонъ Ша'р'ана, который обращенъ къ Маа. Забу. Ша'р'анъ находится вблизи шехризурскаго Густак-аз-Забъ». Повидимому Ша'р'анъ обозначалъ весь пограничный турецко-персидскій хребетъ (отъ Ушну до р. Сирванъ?). Ср. Hoffmann, 257. Теперь часть его между Аланскимъ ущельемъ, черезъ которое прорывается М. Забъ, и Келишиномъ носитъ всегдѣ известное старое общее имя Кандиль, съ множественн. названій для отдѣльныхъ вершинъ. Имя Ша'р'анъ въ настоящее время забыто.

³ Справедливо предполагается, что зимой сообщенія нѣтъ совершенно.

Подъ столбомъ на перевалѣ подразумѣвается, конечно, Келяшинъ. Второй камень — у Топузавъ, быть можетъ, и стоитъ на $\frac{2}{3}$ разстоянія къ Ревандузу, откуда начинается, какъ бы, новая часть пути¹, но по размѣрамъ онъ сильно разнится отъ Келяшина. Главную загадку составляетъ третій столбъ. За него нельзя признать плиту Келиспанъ (см. ниже), которая особой формы, не имѣетъ надписи, стоитъ на другой дорогѣ, и не только ввиду долины (Ляхиджанъ), но даже за истоками Малаго Заба (по лѣвую сторону ихъ). Скорѣе рѣчь могла бы идти о какомъ-нибудь исчезнувшемъ памятникѣ, но нельзя упускать изъ виду, что въ старой легендѣ говорилось ясно о двухъ камняхъ حجرين, и при такихъ условіяхъ возможно, что извѣстіе о третьемъ столбѣ² возникло на основаніи *слуховъ* о Келиспанѣ съ естественнымъ подведеніемъ его подъ общее представленіе о чудесныхъ камняхъ.

Келяшинъ и позднѣе пользовался широкой извѣстностью среди курдовъ³, которымъ онъ внушалъ суевѣрные чувства; они считали, «что онъ созданъ какимъ то могущественнымъ волшебникомъ, какъ средство защиты противъ опасности, однако, способъ пользованія имъ утраченъ, и онъ служитъ лишь для того, чтобы завлекать къ погибели все новыя жертвы» (Rawlinson).

Изъ европейскихъ ученыхъ и путешественниковъ впервые у Келяшина побывалъ F. E. Schulz. Въ 1829 г. — вскорѣ послѣ этой экскурсіи — онъ былъ убитъ въ Джуламеркѣ, и всѣ матеріалы его послѣдней поѣздки (послѣ выѣзда изъ Урміи) погубили⁴. Свѣдѣнія о томъ, что Шульцъ былъ у памятника и скопировалъ «большую часть» надписи, основаны на свидѣтельствѣ Фрезера и Ролинсона, которымъ объ этомъ рассказывали въ Ушну.

¹ Однако, и между Топузавъ и Сидаканомъ имѣется трудный перевалъ (Belck, Anatole, 3). О дорогѣ за Ревандузомъ, спускающейся послѣ небольшого подъема въ ужасный провалъ, см. Perkins, J. Amer. Orient. S., II, 1850, 94—5.

² Странно лишь, что Шебаб-ед-дивъ не обратилъ вниманіе на названіе حجرين, если такъ надо читать حجرين рукописи. Впрочемъ, въ самомъ *существованіи* Келиспанана не было сомнѣній, и лишь смутны были свѣдѣнія о его видѣ. Якутъ, лично видѣвшій Ушну и Пасве (аль-Басва) — (Wüstenfeld, Jakut's Reisen, ZDMG, XVIII, 492), не упоминаетъ никакихъ камней; поэтому можно предположить, что проѣхавъ онъ дорогою Мосуль—Ревандузъ—перевалъ Гарушинка—Пасве; на послѣднемъ участкѣ онъ могъ и не видать Келиспанана, находящагося далеко вправо на особой дорогѣ.

³ Въ 1833 г. англійскому доктору Ross рассказывали въ Ревандузѣ о высокомуъ покрытомъ надписями памятникѣ на «четыреугольномъ основаніи». Фрезеръ слышалъ о Келяшинѣ въ Ушну въ 1834 г. Авторъ персидской записки объ Ушну начала прошлаго столѣтія (изд. Bittner'омъ) не упоминаетъ Келяшина, но это вообще очень поверхностный наблюдатель.

⁴ Ritter, IX, 649; Sayce, JRAS, 1882, 377.

Самъ Ролинсонъ посѣтилъ Келяшинъ 15/27 октября 1838 и впервые сообщил о немъ географическія и иныя свѣдѣнія, отличающіяся обычными достоинствами описаній этого изслѣдователя. Въ виду климатическихъ условій онъ, однако, не могъ снять копию и не замѣтилъ надписи на обратной (западной) сторонѣ, вѣроятно, заледенѣлой и заметной свѣгомъ¹.

Слѣдующую попытку пробраться къ Келяшину, согласно Бельку, сдѣлалъ нѣкій Dr. Rosch, который «подвергся нападенію курдскихъ разбойниковъ... въ тотъ самый моментъ, когда снималъ оттискъ, и былъ убитъ со всѣмъ своимъ конвоемъ, состоявшимъ изъ 38 человекъ». Ихъ могилы, будто бы, видны повынѣ на пригоркѣ у Келяшина. Никакихъ результатовъ отъ экспедиціи не уцѣлѣло².

Четвертымъ изслѣвателемъ былъ Н. В. Ханыковъ, который сообщаетъ: «11 июня (1852) ѣздила я въ сопровожденіи всѣхъ наличныхъ членовъ владѣтельнаго дома Ушну осматривать знаменитый памятникъ Келяшинъ или Синій Камень. Памятникъ этотъ состоитъ изъ гранитной плиты (а не мраморной, какъ пишетъ Ролинсонъ), имѣющей 66,5 англ. дюйм. высоты 30,7 дюймовъ шир. и 4 съ небольшимъ дюйм. толщины. Плита эта закруглена сверху и снизу; нѣсколько обѣщеннымъ, въ видѣ усѣченного конуса, концомъ своимъ воткнута въ круглое отверстіе, продолбленное въ гранитномъ же основаніи, состоящемъ изъ параллелипипеда, видимого на 8 дюйм. изъ подъ земли и имѣющаго въ верхней плоскости 47,7 дюйм. въ квадратѣ. Обѣ стороны его, какъ обращенная къ дорогѣ, такъ и противоположная ей, покрыты сплошною гвоздеобразною надписью; надпись съ первой стороны сохранилась нѣсколько лучше, но въ ней многія мѣста сглажены временемъ, такъ что при всемъ моемъ стараніи снять съ нея оттискъ способомъ à la Millin, я не могъ успѣть въ этомъ. Я подчеркиваю слово «обѣ» потому, что единственный предшественникъ мой у этого памятника

¹ H. C. Rawlinson, Notes on a journey from Tabriz 1838, JRGS, X (1840), p. 24: «the pillar's being engraved only upon its eastern side.....».

² Belck, Anatole, стр. 8 и 31, не приводитъ ни датъ ни источниковъ этихъ свѣдѣній. По этому поводу Lehmann-Haupt замѣчаетъ: «inwieweit die Nachricht (относительно Роша) verbürgt ist, habe ich nicht ergründen können» (Armenien etc., 1900, I, 245). Надо упомянуть, что въ Zeitsch. f. Ethnol., XXXIII, Verhandl., 51, Белькъ упоминалъ не Роша, а Dr. Ross (sic), «перваго европейца, посѣтившаго стелу». Но это уже явная ошибка.

³ Н. В. Ханыковъ, Поѣздка въ Персидскій Курдистанъ, сперва въ Вѣст. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1852, т. VI, а затѣмъ съ нѣкоторыми улучшеніями въ газетѣ «Кавказъ» 1853 г., №№ 22 и 23. Утвержденіе Belck, Anatole, 1904, стр. 8, что самъ Ханыковъ «hat uns keinen Bericht über seinen Besuch der Stele beliefert», могло быть исправлено, хотя бы потому, что весьма интересная работа Ханыкова была издана по нѣмецки въ Archiv für wissensch. Kunde v. Russland, т. XIII (1854), стр. 515; см. біографію Лерха, Исслѣд. объ иран. курдахъ, кн. I, 1856, стр. 17.

Ролинсонъ, по краткости времени, которое онъ могъ посвятить обзору его, полагалъ, что надпись находится только на западной¹ сторонѣ его, обращенной къ дорогѣ. Опредѣливъ высоту этого мѣста, покрытаго тогда еще снѣгомъ, и переночевавъ въ обѣ ревандузскихъ курдовъ, я на другой день вернулся въ Ушву».

Источникомъ всѣхъ остальныхъ свѣдѣній о послѣдующихъ попыткахъ Ханыкова является письмо извѣстнаго американскаго миссiонера J. Perkins къ проф. Флейшеру², гдѣ говорится, что «полный гипсовый слѣпокъ надписей»³, сдѣланный Ханыковымъ, разбился по дорогѣ, но что, будучи лѣтомъ 1853 г. вновь въ сѣверной Персiи, онъ посылалъ людей, которые «сняли очень хорошій бумажный оттискъ съ тѣхъ же надписей. Къ сожалѣнiю, послѣдiя во многихъ мѣстахъ повреждены и потому не могутъ быть цѣлкомъ расшифрованы». Можно предполагать что Ханыковъ отправилъ свои слѣпки Ролинсону, которому онъ послалъ и свои копии съ Хамаданской надписи Дарiя («Гендж-наме») ⁴.

О двусторонней надписи сообщаетъ и полк. Е. И. Чириковъ⁵, бывшiй у Келяшина 5 iюля 1852 г.; по его словамъ, Лофтусъ⁶ списалъ надпись. Одновременно посѣтила Келяшинъ и турецкая комиссiя, о чемъ имѣются свѣдѣнiя въ интересной книгѣ ея секретаря⁷.

Наконецъ, въ 1857, Dr. E. O. Blau⁸ снялъ гипсовую копию халдской стороны Келяшина и, хотя и въ поврежденномъ видѣ, доставилъ ее въ Европу. Текстъ этотъ и былъ впервые обнародованъ Сэйсомъ. Самъ Blau, подаривъ снимокъ Deutsche Morgenländische Gesellschaft, не оставилъ описанiя своего посѣщенiя памятника⁹.

¹ Разумѣется, въ дѣйствительности, *восточная* сторона.

² ZDMG, VIII, 1854. Письмо помѣчено 12—17 окт. 1853 г. Самъ Perkins еще раньше, не зная лично работы Ролинсона, сообщилъ разспросивъ свѣдѣнiя о Galeed-Sheen въ описанiи своего путешествiя 1849 г., J. Amer. Or. S., II, стр. 76. Тамъ-же въ протоколахъ (стр. XVIII) упоминается о посѣщенiи Келяшина (1850?) мосульскимъ миссiонеромъ Magis, оставившимъ самую бѣглую замѣтку о памятникѣ.

³ Самъ Ханыковъ говоритъ, что скопировалъ лишь одну изъ нихъ.

⁴ «Кавказъ» 1853, № 23.

⁵ Путевой журналъ русскаго комиссара-посредника 1849—52 г., СПб., 1875, стр. 463 (книга IX Зап. К. О. И. Р. Г. О.).

⁶ Состоявшiй при англiйской комиссiи натуралистъ и археологъ, авторъ книги *Travels and reseaches in Chaldaea and Susiana*, L. 1857, и т. д.

⁷ Хуршидъ-Эфенди, Сияхет-наме-худудъ, переводъ съ турецкаго М. А. Гамазова СПб. 1877, стр. 250; тамъ же отчетъ персидскаго комиссара, о Келяшинѣ стр. 407. Кстати говоря о трудахъ комиссiи 1849—52 гг. слѣдуетъ напомнить, что альбомъ рисунковъ русскаго секретаря Гамазова хранится въ настоящее время въ библиотекѣ Имп. Общ. Любит. Древн. Письменности.

⁸ Снявшiй слѣпокъ и съ надписи Ташъ-Тепе.

⁹ Belck, Anatole, 1904, стр. 9, въ виду этого недоумѣваетъ, видѣлъ ли Blau западную надпись и почему онъ ее не снялъ.

Лишь 26 сентября/8 октября 1890 г. Моргану удалось снять и вывезти во Францію хорошіе бумажные эстампажи съ обѣихъ сторонъ памятника¹. Ассирійскій текстъ былъ затѣмъ переведенъ V. Scheil'емъ, а халдская сторона издана безъ перевода². Морганъ далъ превосходную фотографію, какъ вида на Келяшинъ, такъ и тѣхъ гипсовыхъ копій, которыя были отлиты въ Парижѣ по эстампажу³.

Германская экспедиція въ Арменію въ составѣ Белька и Леманна въ августѣ 1898 г. посвятила въ общемъ около 10 часовъ⁴ изученію памятника на мѣстѣ. Белькъ опубликовалъ клише копій, сдѣланныхъ отъ руки совмѣстно обоими изслѣдователями, а кромѣ того далъ новый списокъ съ гипсовой копии Моргана, фотографію съ общимъ видомъ на Келяшинъ, транскрипцію надписей и ихъ переводъ (см. ниже)⁵. Эстампажъ, очевидно, не удался⁶, но Белькъ снялъ довольно большую фотографію съ самаго текста надписи⁷. Всѣ эти матеріалы во множествѣ мѣстъ исправили старыя чтенія и помогли окончательно восторжествовать открытію Сэйса, увидавшаго еще въ 1893 г., что Келяшинъ является давно желаннымъ халдо-ассирійскимъ *bilinguis*.

Послѣ значительнаго перерыва, вызваннаго отчасти и длительными беспорядками на турецко-персидской границѣ, 6 августа 1913 г. у Келяшина побывалъ русскій консулъ въ Соучбулахѣ А. И. Іясъ⁸, а въ іюлѣ

¹ Впрочемъ на самомъ Келяшинѣ не видно такихъ изломовъ, которые получились на эстампажѣ, видимо, помянувшись, несмотря на всѣ предосторожности; см. *Miss. scient.* IV, таблица XXVI.

² Издано дважды: въ *Recueil d. trav. relatifs à la philol. et l'archéol. Egypt. et Assyriq.* XIV, и затѣмъ послѣ замѣчаній Belck-Lehmann (*Verh. d. Berl. Anthr. Gesell.* 1893) съ измѣненнымъ самимъ о. Шейлемъ введеніемъ и съ фотографіями въ *Mission scient. en Perse*, IV, 1896, chap. VII (261—83).

³ Morgan-Scheil, l. c., указываютъ что «M. Ximénès, explorateur», проѣзжавшій въ іюлѣ 1894 г. въ Сидаканъ, снялъ съ Келяшина эстампажъ, судьба котораго неизвѣстна.

⁴ Для сравненія надо имѣть въ виду, что около стелы у Топузавъ экспедиція провела 17 дней.

⁵ См. «Anatole», *Zeitschrift für Orientforschung... in zwanglosen Heften herausgegeben v. Dr. W. Belck u. Ernst Lehmann*, 1904 (Max Rieger), Heft I (единственно вышедшая) состоятъ изъ одной статьи самого Белька: «Die Kelischin Stele» (стр. 1—74). На приложенной картѣ большія ошибки: Б. Забѣ раздѣленъ на двѣ части, текущая въ обратныя стороны и т. д. Другой участникъ экспедиціи Lehmann, посвятилъ Келяшину главу въ своей книгѣ *Armenien einst u. jetzt* (исключительно внѣшнія приключенія экспедиціи); см. *его-же* статью въ *ZDMG*, 1904 (исправленія текста).

⁶ Lehmann въ своемъ *Corpus inscr. chaldic.* говоритъ: «№ 17. Kel-a-šia.... Kein Abklatsch (Sturm und Lebensgefahr!»).

⁷ Lehmann, *Mater. zur ält. Gesch. Armeniens*, Abh. Götting. Gesell., 1907, IX, стр. 64. Стела на фотографіи (довольно блѣдной) имѣетъ 15 сят. въ высоту. Снята одна лишь сторона.

⁸ Его работа съ приложеніемъ прекрасныхъ фотографій напечатана въ *Изв. Мин. Ин. Дѣлъ*, 1915, № 4; въ ней см. описаніе дороги на перевалъ и общій видъ Келяшина. Полковникъ Іясъ убитъ около Міандооба во время турецкаго наступленія въ декабрѣ 1914 года.

1914 г. къ памятнику подошла турецко-персидская разграничительная комиссия. Особыя условия нашего путешествія обезпечивали намъ полную безопасность, и русскія палатки простояли у самаго Келяшина 15—18 июля.

Я имѣлъ въ свободныя минуты возможность осмотрѣть окрестность и снять съ памятника нѣсколько фотографій и бумажныхъ эстампажей. Последніе, однако, плохо сохли и затѣмъ постерлись въ дорогѣ¹. Вообще, новые существенные результаты можетъ дать лишь подробное изученіе Келяшина въ подлинникѣ специалистами по клинописи, которые пробврятъ каждый сомнительный остатокъ знака.

Нельзя согласиться съ Морганомъ въ томъ, что отъ Келяшина открывается обширный видъ². Съ востока къ Персіи идетъ плоскогорье, закрывающее видъ на Ушну, а на западъ къ Турціи въ горахъ имѣется прорывъ, но какъ разъ по серединѣ его стоитъ группа скалъ, которую сѣговыя воды, идущія отъ памятника къ Турціи, обтекаютъ съ обѣихъ сторонъ; по этимъ желобамъ и идутъ соединяющіяся затѣмъ тропинки. Скала закрываетъ видъ, и, чтобы увидеть дикую горную панораму верховьевъ р. Гадырь (на сѣв.-вост.) и лабиринтъ горъ въ сторонѣ Амадіи³, надо непременно подняться на гребень къ сѣверу отъ памятника.

15 июля на перевалѣ—около 3 версты высоты⁴—была ранняя весна: на солнцѣ у памятника было тепло, но уже къ 3-4 час. дня надо было одѣваться теплѣе; снѣгъ глыбами лежалъ у самыхъ палатокъ, и маленькія струйки лѣниво текли изъ подъ него по слегка зеленѣющему пути. Подобно Шешаб-ед-дину, можно удивляться крѣпости камня Келяшина, выдерживающаго подобный суровый климатъ около 2700 лѣтъ.

Памятникъ стоять у самой дороги, хотя болѣе видное мѣсто онъ могъ бы занимать наверху подходящей къ нему каменной грядки (табл. VI, 2), о которой см. ниже (стр. 156). Вся котловинка Келяшина нѣсколько поката къ Турціи, и замысловатые пути вешнихъ водъ вызвали въ нашей комиссіи много споровъ о водораздѣлѣ; турки и персы одинаково желали получить древнюю стелу всецѣло на свою сторону, но, наконецъ, согласились признать именно ее за пограничный столбъ за № 123.

Памятникъ (табл. VI, 1) по нашимъ измѣреніямъ имѣетъ въ вышину—1,65 м., въ ширину 0,62 м., въ толщину 0,32 м.; постаментъ квадратный

¹ Эстампажи эти переданы мною черезъ проф. Б. А. Тураева въ Восточный Музей Имп. Петрогр. Университета.

² Morgan, IV, 264: «panorama qui s'étendait à nos pieds».

³ См. fotogr. 4 въ цит. статьѣ А. И. Яса.

⁴ По Ханыкову—6800 фут., по Моргану—2860 метр., по Бельку—2800 метр.; мои наблюденія анероидомъ давали слишкомъ низко 2610—2625 метр. На русской картѣ высота перевала помѣчена 1395 саж.

1,20 × 1,20 м., его толщина — 0,38 м.; ширина нижняго заостреннаго конца стелы — 0,36 м.¹

Врядъ ли Келяшинъ («синяя стела») оправдываетъ свое названіе: камень его очень темный, почти черный, діоритъ². Какъ Чириковъ, такъ и Морганъ³ указывали, что подобной породы въ сосѣднихъ горахъ нѣтъ.

Ориентированъ столбъ, не вполне точно, съ востока (халдскій текстъ) на западъ (ассирійскій текстъ). Насколько здѣсь имѣло мѣсто преднамѣренное желаніе обратить главную сторону къ восходящему солнцу, а не просто къ дорогѣ, можно установить лишь сравненіемъ съ другими халдскими стелами; соображеніе о дорогѣ можетъ быть примѣнено и къ памятнику у Топузавъ.

Второе попутное предположеніе Ролинсона касается символизаціи Келяшиномъ (состоящимъ изъ собственно стелы и постамента, въ который онъ вставленъ), двухъ началъ, мужского и женскаго. Теперь достоверно извѣстно о посвященіи памятника богу Халду, но, если бы даже по формѣ стела могла отразить слѣды и болѣе древнихъ вѣрованій⁴, то для данной цѣли она врядъ ли характерна⁵.

Первую попытку перевода надписи Келяшина сдѣлалъ Сэйсъ (1882)⁶. Затѣмъ Шейль (1892?), какъ упомянуто, далъ переводъ ассирійскаго текста, а халдскую сторону опубликовалъ лишь въ клинописи и транскрипціи. Тотчасъ же (1893) и безъ всякихъ колебаній Сэйсъ призналъ тожде-

¹ У Леманна, *Armenien einst und jetzt*, I, 253 на рисункѣ совершенно невѣрно показанъ способъ установки памятника на постаментѣ.

² Шин (heshin) по корню сопоставляется съ русскимъ синій, но можетъ значить и сѣрый, и зеленый. Шебаб-ед-динъ называетъ камень «зеленымъ».

Что касается слова *kel*, то у Justi-Jaba въ параллель приводится русское *колъ*, а значеніе дается (*Dict. kurde-fr.*, 398): «*pilier, colonne*» на основаніи исключительно *Keli-shin* у Ролинсона. *Kel*, скорѣе, стоитъ въ связи съ перс. *келде* — «макушка, вершина, голова (сахара)». Ср. Чириковъ, 656: «кель . . . . горная каменистая вершина»; въ *Краткомъ рус.-курд. воен. переводчикѣ*, изд. В. Никитина, Урміи, 1916, стр. 8, вмѣсто обычнаго обозначенія горъ, слова *кеван* (герс. *kéwan*), въ округѣ Бане рекомендуется говорить *келан*. Дѣйствительно, около Бане есть много названій, родъ *Кели-ба* («вершина вѣтровъ») и т. д. Что касается до *изафета*, то на мѣстѣ, дѣйствительно, произносится *Kel-ä-shin* (Lehmann); Ханъковъ даетъ *Келля-шинъ*, а Perkins: *Kallia-shin* или *Galeeä-sheen*. Ср. Justi, *Kurdische Grammt.*, стр. 128 и названіе сосѣдняго округа Дешта-белъ.

³ JRAS, 1894, 700.

⁴ О поклоненіи халдовъ богинѣ плодородія см. Lehmann, *Mater. zur älteren Gesch. Armeniens*, стр. 22.

⁵ Для сравненія стоитъ взять фаллическіе столбы персидскихъ мостовъ (напр., извѣстнаго Кодуискаго около Решта). Замѣчу кстати, что на мужскихъ могилахъ у многихъ (курдскихъ?) кочевниковъ помимо двухъ плитокъ въ головахъ и у ногъ ставится третья по серединѣ. Наблюденіе это нуждается въ провѣркѣ.

⁶ По весьма попорченному свѣдку Blau, снтому лишь съ халдской стороны, J. R. A. S., 1882; надпись Келяшина помѣщена подъ № LVI среди «надписей неопредѣленной эпохи». Этотъ переводъ имѣетъ мало общаго съ послѣдующими попытками чтенія надписи.

ство содержания надписей и напечаталъ параллельный переводъ обоихъ текстовъ строка за строкой, высказавъ изумленіе по поводу близости обѣихъ версій¹. Слѣдующую самостоятельную попытку сдѣлали Мессершмидтъ и Белькъ, при чемъ, въ виду признаваемой ими невозможности дать «дословный переводъ всего ассирійскаго текста», оба текста въ переводѣ слиты воедино².

Наконецъ, въ 1906 г. Сэйсъ въ третій разъ напечаталъ текстъ надписей Келяшина (въ транскрипціи) и далъ новый подстрочный переводъ обѣихъ версій въ отдѣльности³.

Во всякомъ случаѣ, внѣ сомнѣнія, что Келяшинъ воздвигнуть при жизни ванскихъ царей Ишпуини и его сына Менау (т. е. приблизительно около 800 г. до Р. Х.), что надписи имѣютъ вотивный характеръ и оканчиваются формулами проклятія за поврежденіе стелы; наконецъ, что памятникъ имѣетъ близкое касательство къ области Мусасиръ.

Болѣе сомнителенъ поводъ постановки Келяшина и причина помѣщенія его именно на перевалѣ, который каждую зиму надолго засыпался снѣгами и, повидимому, находился довольно далеко отъ знаменитаго святилища Мусасиръ (Ардини).

¹ Предварительная замѣтка, помѣченная 26 іюля 1893, помѣщена въ *Academy*, 5 августа 1893 г., № 1109, стр. 115 (въ указателѣ ошибочно 110). Здѣсь между прочимъ упоминается о какомъ-то эстампажѣ Келяшина, который былъ полученъ Сэйсомъ и переданъ въ *Ashmolean Museum*. Далѣе говорится о Мусасирѣ: in the vanic version it is called the city of Ardinis, «the sun-god»; and I conclude, therefore, that Mutsatsir was a name of purely Assyrian origin, signifying «the place from which the serpent issues». Переводъ надписей данъ Сэйсомъ въ *Journ. R. Asiat. S.*, 1894, стр. 691—705. Съ критикой утвержденій Сэйса выступили Белькъ и Леманнъ (*Verhandl. d. Berl. Anthropol. Gesellsch.*—28 октября 1893); сослазаясь именно на отсутствіе въ халдской надписи имени «Мусасиръ» и на старое (!) предположеніе Сэйса (1882) о военно-историческомъ содержаніи халдской надписи, тогда какъ ассирійскій текстъ имѣетъ вотивный характеръ, авторы «не понимали, какъ еще можно, при такихъ обстоятельствахъ, говорить о тождествѣ обѣихъ текстовъ» (*Ср. Morgan, IV, 274*).

² Переведены строки 1—4, 7—15, 16—19, 25—27, 29—42 (NB. въ халдскомъ текстѣ лишь 41 строка); оставлены безъ перевода 20—24 и 28, чрезвычайно важныя для общаго смысла. Самъ Белькъ называетъ свой трудъ «Uebersetzung resp. eine Inhaltsangabe». Въ *Anatole*, 39, слишкомъ вскользь упомянуто объ открытіи Сейса, причемъ ссылка сдѣлана лишь на его замѣтку 1893 г., а не на подробную статью 1894 г., излагающую всѣ доказательства въ пользу признанія Келяшина за bilinguis. Lehmann присоединился къ этому же мнѣнію въ статьѣ *Zwei unveröff. chal. Inschr.*, *ZDMG*, 1904, стр. 825, гдѣ предложены и новыя исправленія текста.

³ *J. R. Asiat. Soc.*, 1906, 611—658. Еще ранѣе въ томъ же изданіи, 1901, стр. 653, Сэйсъ подвергъ подробной критикѣ мысль о томъ, что ванскій текстъ является *продолженіемъ* ассирійскаго, начинаясь со словъ «въ томъ же году». Вотъ его аргументы: 1) халдскіе тексты обычно начинаются съ имени бога Халда; 2) халдскій текстъ не могъ стоять послѣ ассирійскаго въ надписи ванскихъ царей (*ср. порядокъ языковъ въ ахеменидскихъ надписяхъ*); 3) здравый смыслъ требуетъ, чтобы надписи подобнаго памятника относились къ одному событію.

Белькъ, очевидно, хочеть извлечь изъ надписей большій смыслъ, нежели это допускаеть его неполный переводъ, и въ своихъ объясненіяхъ перваго пункта прибѣгаетъ къ ряду гипотезъ¹. Можно, конечно, согласиться съ важностью перевала, какъ извѣстной грани между Мусасиромъ и округами бассейна Урмійскаго озера, которая позднѣе² могла отчасти являться и политической границей съ ассирійцами, проникавшими въ страну маннеевъ³; однако, самъ Белькъ въ заключеніе недоумѣваетъ, почему надпись поставлена не у храма, а на горѣ у дороги, гдѣ ее легко могли попортить прохожіе.

Неясны и объясненія Леманна, предполагающаго, что Мусасиръ зависѣлъ сперва отъ Ассиріи, но что Менуа ввелъ туда халдскую военную коловію (?), а также культъ халдскихъ боговъ для связи этой окраины съ Ваномъ; совершенно «неовинственная» надпись Келяшина должна, будто бы, указывать на усиленіе халдскаго элемента и упроченіе халдскаго культа⁴.

Сэйсъ внесъ въ толкованіе надписи совершенно новыя подробности. Основное содержаніе главнаго періода онъ формулируетъ такъ: «когда Ишпуни и Менуа шли въ Мусасиръ, они построили убѣжище (rest-house) для путешественниковъ⁵ на вершинѣ Келяшинскаго перевала и передъ нимъ поставили стелу⁶. Въ слѣдующій разъ, когда Ишпуни одинъ ходилъ

¹ Anatole, 51. Онъ помѣщаетъ въ Мусасирѣ центръ религіозной жизни халдовъ, а вблизи его и прародину этого народа. Основываясь на своемъ переводѣ, онъ говоритъ, что посѣщеніе Мусасира царями Ишпуни и Менуа имѣло цѣлью переносъ культа бога Халда на сѣверъ ближе къ новой столицѣ — Вану. Между тѣмъ, все болѣе выясняется обособленность Мусасира отъ халдскихъ царей (Thureau-Dangin); характерно, что лишь въ предполагаемомъ Мусасирѣ эти цари къ халдскому тексту надписей добавили и ассирійскій, что врядъ ли идетъ къ основной халдской родинѣ; наконецъ, смыслъ *увода жертвенныхъ животныхъ* отрицается Сэйсомъ.

² Но не наканунѣ побѣдъ Менуа въ странѣ маннеевъ. Ср. надпись его въ Таш-тепе къ югу отъ Урмійскаго озера.

³ Belck, Das Reich der Mannäer, Verhandl. d. Berl. Gesell. für Anthr., 1894, — это, случилось при Саргоиѣ II и Асархаддонѣ. Первый изъ нихъ вторгся, впрочемъ одновременно и къ маннеемъ, и въ Мусасиръ, куда, однако, онъ прошелъ не черезъ Келяшинъ; послѣднее ясно показалъ Т.-Dangin, о. с.

⁴ Lehmann, ZDMG, 1904, стр. 826—7, дѣлаетъ отсюда неясное для меня заключеніе: «dass (die Inschrift) auf dem Passe, nicht bei der Stadt.... Aufstellung fand, erklärt sich so gleichfalls aufs beste». Введеніе въ Мусасиръ военной колоніи не подкрѣплено доказательстами.

⁵ J. R. As. Soc., 1906. Сэйсъ уподобляетъ его почтовымъ гостиницамъ Тутмоса III на Ливанѣ. Изъ позднѣйшихъ сооружений можно было бы упомянуть сасавидскую постройку Таки-Гырра у перевала черезъ Загрость между Ханькиномъ и Керманшахомъ. Морганъ (IV, 339 и таблица XXXIX) считаетъ ее за chapelle dédicatoire, въ которой, вѣроятно, стояла статуя царя-строителя дороги. У Чирикова, цит. соч., 316, высказано предположеніе, что это «мѣсто отдохновенія» на половинѣ подъема.

⁶ Ранѣе (J. R. A. S., 1894, стр. 700) Сэйсъ высказывалъ предположеніе, что въ виду несоотвѣтствія надписи дикой мѣстности, ее окружающей, Менуа перенесъ ее на перевалъ изъ какого нибудь другого мѣста.

съ войскомъ (was campaigning) въ этомъ округѣ, онъ освятилъ (consecrated) [сказанное] убѣжище, повѣсивъ щиты на стѣнахъ, втащивъ [туда] двери изъ долины и подаривъ святилищу (shrine) бронзовую чашу». Что касается до упоминаемаго въ надписи множества жертвенныхъ животныхъ, то вѣроятнѣе, что они были поднесены главному святилищу (mother-sanctuary) въ Мусасирѣ.

Если новое толкованіе надписи вѣрно, то, окажется, что стела являлась, какъ бы, второстепеннымъ предметомъ по сравненію съ зданіемъ, передъ которымъ она стояла. При осмотрѣ памятника меня прежде поразило, что онъ стоитъ не на вершинѣ каменной грядки, а сбоку ея у дороги. Мнѣ приходила даже мысль о смѣщеніи Келяшина съ первоначальнаго мѣста, въ виду того, что: 1) постаментъ памятника, вѣсящаго не менѣе 100 пудовъ,

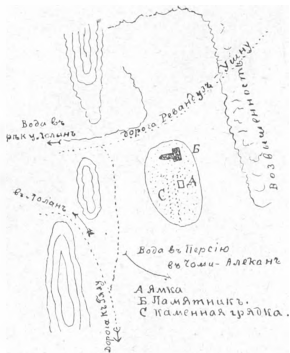

Рис. 1. Мѣстность у Келяшина.

вполнѣ понятва; на полгода снѣга закрываютъ сообщеніе мимо Келяшина, а въ остальное время усталымъ отъ подъема путникамъ пріятно найти кровъ и отдыхъ; намъ извѣстно, впрочемъ, что подобныя сооруженія (многочисленные каравансарай Шаха Аббаса, Таки-Гырра и т. д.) ставились обычно на половинѣ горы, такъ какъ предпочтительнѣе для ночлега спуститься въ болѣе теплое мѣсто. Возможно, конечно, что на перевалѣ могъ находиться караулъ, выставляемый на лѣтнее время, какъ это и теперь

¹ Подъ него просверлена даже дырка — быть можетъ, нора какого нибудь животного или слѣдъ поисковъ кладискателя.

² Одна изъ сторонъ его ориентирована на востокъ.

³ Которое Белькъ считаетъ за могилы спутниковъ Роша!

лежитъ почти на поверхности земли¹, 2) къ югу отъ него имѣется чистая отъ камней полоса, по которой, какъ будто, протаскивали нѣчто тяжелое и 3) еще южнѣе на гребнѣ упомянутой грядки (въ 19 шагахъ отъ Келяшина) имѣется нѣкоторое квадратное углубленіе, подходящее по размѣру къ постаменту памятника (рис. 1)². Тутъ же видны слѣды кладбища³; нѣкоторыя раскопки въ этомъ мѣстѣ были бы необходимы. Несовсѣмъ понятно, почему мѣсто отдохновенія путниковъ на дикомъ перевалѣ надо было украшать, какъ храмъ, дорогими вещами, но мысль о постройкѣ убѣжища

дѣлають турки для наблюденія за кочевниками. Здѣсь могла быть, наконецъ, часовня главнаго храма¹. Словомъ вся важность новаго толкованія въ допущеніи существованія на перевалѣ какого-то зданія, что не исключается и данными внѣшняго осмотра этой мѣстности. Пока приходится, однако, признать, что загадка Келяшина все еще не разрѣшена удовлетворительно.

Названіе Келяшинъ, кромѣ описаннаго памятника, носятъ еще два мѣста въ томъ же районѣ.

Перевалъ между городами Саккызъ (бассейнъ р. Джагату) и Бане (бассейнъ Мал. Заба) называется Келя-ханъ; съ восточной стороны его у слиянія рѣчекъ Чоми-пир-будагъ и Чоми-ханъ расположена лощинка, носящая имя Келешинъ²; въ ней лежитъ полуразрушенное курдское зимовье того же имени, но проводникъ въ качествѣ истиннаго Келешина показалъ мнѣ кладбище³, лежащее у дороги (на лѣв. берегу Чоми-ханъ у самаго слиянія двухъ рѣчекъ). Здѣсь, дѣйствительно, стояли два маленькіяхъ синева-тыхъ тонкихъ могильныхъ камня, разрушенныхъ, безъ надписей и очевидно принадлежащихъ къ бѣдному мусульманскому кладбищу. Неподалеку изъ земли криво торчалъ, однако, какой то небольшой и острый осколокъ, какъ будто остатокъ тесанаго камня (вродѣ тумбы), но болѣе ничего достопримѣчательнаго на поверхности земли не оказалось.

По сосѣдству съ ушнуйскимъ Келяшиномъ, версть 25—30 къ сѣверу⁴ отъ него, между персидскимъ округомъ Мергерверъ и турецкимъ Научія⁵ (или Шемдинагъ) имѣется перевалъ, носящій имя Келяшинъ Мергерверскій. Обычная дорога проходить еще сѣвернѣе черезъ перевалъ Зину или Чія-решъ. Раздѣльность двухъ Келяшиновъ, ушнуйскаго и мергерверскаго вполне выяснила пограничная комиссія 1849—52 гг. Хуршид-эфенди⁶ указываетъ на существованіе на послѣднемъ изъ нихъ камня «также известнаго подъ названіемъ Келяшинъ; камень, однакожъ, не имѣетъ надписи». То же было подтверждено мнѣ многочисленными лицами

¹ Сзясъ въ строкѣ 18 ассирійскаго текста предлагаетъ конъектуру: *prayer—chambers!*

² Или Келишинъ; таково произношеніе въ этомъ мѣстѣ. Ср. O. Mann, *Die Mundart der Mukri-kurden*, Berlin, 1906, стр. LIV: «Die Form der *Idâfa* ist allgemein i» (за рѣдкими исключеніями).

³ У Morgan, IV, 277 неточно. Отъ Келешина до Кели-хана мы поднимались съ караваномъ добрыхъ 1½ часа.

⁴ Келяшинъ Ушнуйскій приблизительно на 36°55' сѣв. шир., Мергерверскій 37°11' с. ш.

⁵ По курдски «междугорье». По-персидски пишется и *نوججه*. Кстати, вѣтъ ли въ названіи главнаго пункта округа: Nêri (Nehri) какихъ либо воспоминаній о древней странѣ Nairi? Въ обоихъ названіяхъ кроется та же семитическая основа, означающая рѣку.

⁶ Хуршид-эфенди, *op. cit.* 296, 344, 408. У Чирикова выражено недостаточно ясно, 468. У Morgan'a (IV, 262 и 277) — явное смѣшеніе.

въ Мергерверѣ въ 1911 и 1914 гг. Я особенно просилъ моихъ коллегъ, отправлявшихся на перевалъ для постановки пограпичнаго знака, осмотрѣть древній камень, но, возвратясь, они увѣрили меня, что камня вовсе не оказалось. Я выяснилъ, что имя этого Келяшина нерѣдко смѣшивается съ названіемъ сосѣдней турецкой деревни Гелешмъ. Допуская возможность ошибки касательно отсутствія камня, я въ то же время полагаю, что надписей на Мергерверскомъ перевалѣ, дѣйствительно, нѣтъ или не сохранилось.

II.

Стела у дер. Топузава.

Описаніе пути Келяшинъ—Топузава. Вопросъ о халдской «военной дорогѣ». Европейскіе путешественники: Lobdell, Ximénès, Belck и Lehmann. Посѣщеніе памятника въ 1914 году и видъ его. Существующіе переводы надписей. Связь ихъ съ походомъ Саргона въ 714 г. до Р. X. Географія области Мусасиръ.

Пользуясь выгодами моего положенія и любезностью турецкаго коллеги, отъ Келяшина я проѣхалъ (16—17 іюля 1914 г.) и къ другому халдскому памятнику, стоящему на турецкой территоріи между деревнями Топузавъ и Сидаканъ (округъ Ревандузъ).

Описанія этого пути я нигдѣ не встрѣтилъ¹, а между тѣмъ дѣлались утвержденія, что онъ входилъ въ составъ халдской военной дороги, которая шла отъ Вана на югъ до Сидакана, а оттуда поворачивала на востокъ мимо обоихъ памятниковъ, чтобы спуститься въ область Урмійскаго озера. Описаніе первой части этого труднѣйшаго пути съ 8 перевалами (черезъ Нѣри, Кани-решъ и Аудель-кѣу) свидѣтельствуетъ, однако, не въ пользу такого предположенія², да было бы и странно, если бы халды, твердо сидѣвшіе около Вана, не пользовались ближайшими и болѣе удобными проходами, выводящими на западъ отъ Урмійскаго озера (дороги черезъ нынѣшній Салмасъ, Сомай, Брадосъ, Тергерверъ и Мергерверъ), гдѣ возможно

¹ Члены нѣмецкой экспедиціи, подвергнушіе опасности отъ нападенія курдовъ, не могли пройти этия пути и достигли Топузавъ, лишь сдѣлавъ крюкъъ въ 2000 килом. черезъ Ванъ и Месопотамію.

² Belck, Die Ruzas-Stele v. Topzawa, Zeitschr. f. Ethnologie 1899, 99—132. Авторъ сознается: «meine speciell auf die Existenz von Spuren alter Wegebauten gerichtete Aufmerksamkeit war meist resultatlos». Нѣсколько неожиданно, поэтому, его позднѣйшее заявленіе (Anatole, 5) о той же военной дорогѣ: «die Chalderkönige... legten dort eine regelrechte, selbst für schwere Wagen befahrbare Heerstrasse an, deren noch heute deutlich erkennbare Reste ich 1899 dort an vielen Stellen wieder aufgefunden habe». Конкретные примѣры Белькъ приводитъ лишь для участка Баш-кала—Ванъ, который могъ продолжаться на востокъ, а не на югъ!

движеніе и зимой. Странно было бы строить военную дорогу съ большимъ обходомъ на перевалъ, закрывающійся на полгода¹.

Съ другой стороны нельзя отрицать возможности въ *лѣтніе* мѣсяцы пользоваться Келяшиномъ для сообщенія Месопотаміи (черезъ Ревандузъ, Сидаканъ и Ушну) съ областями Урмійскаго озера. Всѣ трудности лежатъ между Ревандузомъ и Мосуломъ, но дѣйствительность показываетъ, что и этотъ участокъ вполне проходимъ даже для современныхъ войскъ съ ихъ артиллеріей и сложными обозами². Надо имѣть въ виду, однако, что поднявшаяся изъ Месопотаміи дорога въ Ревандузъ раздвоится: сѣверная вѣтвь идетъ черезъ Сидаканъ на Келяшинъ и Ушну, а южная — гораздо болѣе низкимъ (на пѣлаую версту!) и почти незакрывающимся переваломъ Гарушинка (Зивви-Шейхъ) выходитъ въ персидскій округъ Ляхиджанъ, откуда открытъ безпрепятственный доступъ и къ Урмійскому озеру³. Выгоды второго изъ этихъ развѣтвленій не могли быть неизвѣстны въ древности, но и первое могло вполне служить проѣзжимъ путемъ въ лѣтнее время⁴: разъ изъ Месопотаміи былъ достигнуть Ревандузъ, дальнѣйшій путь на Келяшинъ былъ нетруденъ⁵.

Отъ Келяшина дорога⁶ спускается немного на западный склонъ пограничнаго хребта (Кандиль) и затѣмъ идетъ вдоль его на югъ, перерѣзывая рядъ ручьевъ, которые скатываются въ бассейнъ Ревандузской рѣки. Здѣсь на широкомъ каменистомъ скатѣ горъ мы открыли значительное (длиною до 350 саж.) озерцо Барме-диндаръ⁷, имѣющее стокъ, въ видѣ короткаго ка-

¹ Belck, Anatole, 38: 9 апрѣля (1899 г.) на горахъ лежала масса снѣга, и курды отказались идти отъ Сидакана къ Келяшину. Rawlinson 15 октября (1838 г.) съ опасностью для жизни проникъ на перевалъ.

² Правда, Belck (Anatole, 2—4) исключаетъ возможность, чтобы «ассиріянѣ когда либо могли пользоваться этой дорогой», въ предположеніи сопротивленія имъ по пути, но теперь ясно (Thureau-Dangin), что Мусасиръ не могъ считаться принципиальнымъ врагомъ Ассиріи. Мы не знаемъ, доходилъ ли вообще этотъ округъ до Ревандуза. Путемъ Мосуль-Ревандузъ турки въ 1836 г. воспользовались для успѣшной экспедиціи противъ могущественнаго ревандузскаго мира, а на нашихъ глазахъ они дважды вторгались по нему въ Персію.

³ Южный путь подробно описанъ Perkins'омъ въ Journ. Amer. Orient. Soc., II, 1851, стр. 83 и слѣд. и менѣе детально у Thielmann, Streifzüge im Kaukasus, 1875, стр. 321 и слѣд. См. ниже о курганахъ, защищающихъ Ляхиджанъ противъ выходовъ съ него.

⁴ О его историческомъ значеніи см. Rawlinson, J. R. G. S., X, 23 и 71; его предположеніе, что Хосровъ Первизъ (въ походѣ противъ Бехрама Чубина) и императоръ Ираклій прошли черезъ Келяшинъ, раздѣляетъ и Hoffmann (Auszüge, стр. 249), хотя, впрочемъ, такая же догадка могла бы съ одинаковымъ правомъ относиться и къ Гарушинка.

⁵ Видѣнная мною часть его не можетъ сравниться, по описаніямъ, съ трудностями дороги Гарушинка—Раятъ—Ревандузъ.

⁶ Подробное описаніе ея напечатано мною въ работѣ «Тур.-перс. граница», 1916.

⁷ По объясненію курдовъ *барм*—мѣсто, гдѣ доятъ скотъ. Ср. Егізаровъ, Зап. Кавк. О. Геогр. Общ., XIII, вып. 2, стр. 25: «нагѣво отъ палатки находится «бэръ» (ber), мѣсто,

нала, который, быть может, возник не без помощи человеческого труда. Далѣе дорогу преграждает перпендикулярный къ Кандию отрогъ Бербзинъ; его приходится огибать по неудобному карнизу, а затѣмъ путь опять направляется на югъ и послѣ небольшой перемычки¹ спускается къ рѣчкѣ Сидаканъ (у Белька: рѣчка Bögeñ). Вмѣстѣ съ ней онъ поворачиваетъ на западъ, пересѣкаетъ у дер. Мавутава ея правый притокъ и въ нѣсколькихъ минутахъ за дер. Топузавъ, лежащей на правомъ берегу сидаканской рѣчки, выходитъ къ халдскому памятнику. Весь путь отъ Келяшина беретъ около 6 часовъ, причемъ до Ревандуза остается не болѣе $\frac{2}{3}$ пройденнаго разстоянія. Мой барометръ, утромъ у Келяшина показывавшій 2610 метр., къ вечеру у Топузавъ упалъ до 1650 метр., что даетъ около версты спуска. Дорога трудна лишь у Бербзинъ, гдѣ надо переправляться и черезъ каменистый быстрый потокъ Барамизъ, а въ остальныхъ мѣстахъ вполне проходима для какихъ угодно выюковъ (и древнихъ колесницъ?). Говорить, однако, о слѣдахъ *построенной* дороги врядъ ли возможно, такъ какъ за многія столѣтія прохода кочевниковъ со скотомъ многія тропы принимаютъ мѣстами мнимо-искусственный видъ². Въ древнихъ горныхъ странахъ тропа, нащупавъ наиболѣе удобное и краткое направленіе, уже не сходитъ съ него и при отсутствіи особыхъ препятствій, какъ, напр., на участкѣ къ Сидакану, сама естественно разрабатывается.

Приведенныя выше цитаты изъ арабскихъ писателей имѣютъ въ виду и памятникъ у Топузавъ³. Изъ европейцевъ же первыя точныя свѣдѣнія о немъ добылъ по разпросамъ Ролинсонъ⁴. Курды въ Сидаканѣ расска-

гдѣ доять овецъ». Диндаръ, вѣроятно, собств. имя. Естественнѣе, впрочемъ, принимать حردъ въ известномъ персидскомъ значеніи «прудъ, озеро» (Vullers: stagnum, lacus); ср. назв. мѣстности въ Фарсѣ Барие-Дилякъ.

¹ Она носитъ названіе Гарве-бне и на ней стоитъ странное пирамидальное сооруженіе изъ камней и деревяшекъ (выше $1\frac{1}{2}$ саж.). Курды рассказываютъ легенду про влюбленнаго дервиша, поставившаго такихъ пирамидъ въ честь своей возлюбленной, но нѣтъ ли здѣсь связи съ обычаемъ набрасывать кучи камней на перевалахъ? Иногда говорятъ, что на мѣстѣ ихъ былъ кто-нибудь убитъ, отчего ихъ и называютъ «муртаджимъ» (т. е. побитый камнями). Приходилось видѣть такія кучи и на югѣ, напр. у города Мендели (камни Кумсевигъ при выходѣ р. Генгиръ изъ ущелья). Сбивчивость объясненій и, на ряду съ этимъ, выполненіе обычая, требующаго, чтобы прохожій бросилъ камень, заставляютъ предполагать здѣсь переживание какого то древняго суеврія.

² Я выдалъ такіе участки, поднимаясь на плоскогорье Везне и спускаясь съ него, у перевала Наухуванъ (между Сулейманіе и Саккызомъ) и т. д.

³ Члены германской экспедиціи настаиваютъ на мѣстномъ произношеніи Торзавъ. Во всякомъ случаѣ *тоуз* турец. слово, означающее булава, которая донинѣ возится въ Персіи передъ губернаторами, для встрѣчи почетныхъ гостей и т. д. Топузавъ — не рѣдкое названіе; ср. деревню этого имени въ Сулдузѣ и т. д.

⁴ J. R. G. S., X. До него Фрезеръ, со словъ англійскаго доктора Ross (см. выше стр. 148, пр. 3, и 149, пр. 2), — повидимому, перваго европейца, побывавшаго въ Ревандузѣ, —

зываютъ, что путешественники неоднократно снимали съ памятника фото-графіи и эстампажи, но вотъ короткій перечень тѣхъ посѣщеній, о которыхъ сохранились свѣдѣнія въ литературѣ.

Въ іюлѣ или августѣ 1853 стелу видѣлъ врачъ американской духовной миссіи Henry Lobdell. Съ его словъ Perkins сообщаетъ, что памятникъ стоитъ «недалеко отъ несторіанской деревни Сидаканъ, совершенно близко отъ дороги, подъ группой деревьевъ около кладбища». Нахождение памятника—добавляетъ Perkins—«въ мѣстѣ, совершенно неподходящемъ для границы какого-нибудь государства, около 30 англ. миль внизъ отъ перевала, гдѣ стоитъ первый столбъ (Келяшинъ)», противорѣчить мысли о томъ, что это пограничный знакъ¹.

По просьбѣ о. В. Шейля путешественникъ Ximénès² въ іюлѣ 1894 впервые точно обмѣрилъ эту стелу и снялъ съ нея эстампажъ, повидимому, мало удачный³.

Наконецъ въ 1899 г. памятникъ у Топузавы былъ подробнѣе исследованъ членами германской экспедиціи, которые провели здѣсь цѣлыхъ 17 дней; Леманъ и Белькъ не только чистили и отмывали надпись, но даже вынимали стелу изъ постамента, чтобы повернуть ее къ свѣту⁴. Все это заставляетъ думать, что въ противность Келяшину, эта надпись не дастъ больше новаго матеріала; много мѣстъ ея, очевидно, попорчено безвозвратно.

16 іюля 1914 г. мы провели у памятника нѣсколько часовъ, стараясь снять эстампажи. Послѣ чистки 1899 г. памятникъ опять началъ заростать лишаями, а потому копія вышли малоудачными. Стела стоитъ въ тѣни между деревомъ и кустомъ, такъ что сырость дѣйствуетъ на нее сильнѣе, чѣмъ на Келяшинъ; проѣзжая рядомъ, можно легко не замѣтить этотъ небольшой и

записавъ свѣдѣнія о каменномъ столбѣ съ надписями (30—35 футъ въ высоту?) на четырехугольномъ основаніи. Трудно сказать, къ какому изъ двухъ халдскихъ памятниковъ относились эти преувеличенные рассказы курдовъ о «столбѣ Семiramиды». Ср. Ritter, IX, 936.

¹ ZDMG, VIII, 1854: у Perkins'а ошибочно показано расстояние отъ Ревандуза; надо читать 5 часовъ (а не миль). Теперь въ Сидаканѣ живутъ курды.

² Ср. Morgan, IV, 266. Мнѣ недоступна статья Ximénès'а въ Vossische Zeitung, 14 ноября 1894, гдѣ, повидимому, говорится, что въ надписи упомянуть Мусасиръ, но вѣсто поставившаго ее царя Русы ошибочно названъ Аргишти. Ср. Streck, Zeitsch. f. Assyriol. XIV, стр. 132.

³ Belck, Armen. Streitfragen, Zeitsch. f. Ethnol. 1901 (284—328) со словъ Шейля. Тѣмъ не менѣе имя Мусасиръ было разобрано, а это былъ не малый шагъ изслѣдованія впередъ. Его подчеркивалъ еще передъ своей экспедиціей въ Армению Lehmann въ Sonntagsbeilage zur Voss. Zeitung, 20, I, 1895 (а также въ Verhand. Berl. Anthr. Gesell. 1895, стр. 594) — цитировано у Streck, о. с.

⁴ Описание стелы и работъ надъ ней см. Belck, Die Rusa-Stele, Z. f. Ethn., 1899 (99—132), въ видѣ письма на имя Вирхова; статья—крайне многословная и избилующая гипотезами. Гораздо болѣе сжато у Lehmann, ZDMG, 1904, стр. 881 и слѣд.

совершенно почеркѣвѣшій¹ камень, похожій на надгробіе. Солнце на него почти не попадаетъ, а потому фотографированіе до крайности затруднено. Прилагаемое изображеніе памятника (табл. VI, 3) сдѣлано съ восточной (халдской) стороны². Верхняя часть памятника сильно неправильной формы³, и теперь осталось 32 строки халдскаго и 28 строкъ ассирійскаго текста, а кромѣ того, по словамъ членовъ германской экспедиціи, приписки по 8 строкъ на узкихъ боковыхъ стѣнкахъ (формулы проклятій).

Рѣзба много грубѣе, чѣмъ на Келяшинѣ, строки ровныя и буквы разбѣгающіяся. Приблизительные размѣры въ четвертяхъ таковы: высота 4, шрина $2\frac{1}{2}$, толщина $1\frac{1}{4}$; квадратный постаментъ $4\frac{1}{2} \times 4\frac{1}{2}$.

Первый переводъ и текстъ надписи въ транскрипціи далъ Леманнъ въ 1900 г.⁴ Слѣдующее изданіе ея въ транскрипціи съ подстрочнымъ переводомъ обожъ текстовъ далъ Сэйсъ⁵. Наконецъ, новѣйшій французскій переводъ принадлежитъ Thureau-Dangin⁶.

Вновь основываясь на этихъ переводахъ специалистовъ, возможно считать прочно установленнымъ лишь слѣдующее: надпись поставлена урарскимъ царемъ Русой; въ ней говорится о возстановленіи⁷ Урзаны, царя Мусасира, о походѣ халдовъ до горъ Ассиріи⁸ и о жертвоприношеніяхъ Русы въ Мусасирѣ.

Изъ ассирійскихъ источниковъ⁹ извѣстно, что въ 714 г. до Р. X. Му-

¹ Леманнъ говоритъ, что курды называютъ его Kel-a-giaur — «die graue Stele». Ср., дѣйствительно, Jaba-Justi, Dict. kurde, 368: «gheour» lrun, «ghaver» gris.

² Видъ съ противоположной стороны въ Zeitsch. f. Ethn., XXII, 1900, табл. II.

³ Belck, Rusas-Stele, 122, предполагаетъ, что верхъ надписи умышленно отколотъ. Но если дѣлю было поврежденіе, почему это не было сдѣлано до конца? Неужели у разрушителя (согласно Бельку, Саргона!) не было такихъ средствъ, какъ у германскихъ археологовъ, вынимавшихъ стелу изъ цоколя?

⁴ Lehmann, Bericht über Ergebnisse... der Forschungsreise in Armenien, Sitzungsberichte Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1900, 619—633, гдѣ въ опытѣ Corpus inscriptionum chaldaicarum надпись у Топузавъ приведена подъ № 128. Текстъ надписи въ *клиночной* копій (отъ руки) и съ многими исправленіями Леманнъ далъ вторично въ ZDMG, 1904, стр. 831 и слѣд.

⁵ J. R. As. S., 1906, стр. 625. Въ виду того, что Сэйсъ еще въ 1893 г. доказалъ тождество надписей Келяшина, нельзя считать, что надпись стелы у Топузавъ явилась *первымъ* bilingualis. О ней Сэйсъ замѣчаетъ: «the two versions do not agree so closely together as in the case of the Kelishin inscription, and their author had less knowledge of Assyrian than the earlier scribe».

⁶ О. с., 1912, стр. XV.

⁷ Леманнъ (1904) даже въ этомъ не увѣренъ, считая, что Руса могъ и свергнуть Урзану, судя по неясному тексту.

⁸ Сэйсъ (1906) такъ толкуетъ темное мѣсто: «the soldiers were slain who, instead of rendering homage (т. е. Русѣ) with Urzana and their comrades, had fled to Assyria, and there, apparently, were massacred while drunk with wine». Но что все это значитъ?

⁹ Они собраны въ работѣ Thureau-Dangin, Une relation de la huitième campagne de Sargon (714 avant J. C.), P. 1912. Здѣсь же перепечатано изъ Botta, Monuments de Ninive

сасирь былъ совершенно разграбленъ ассирійцами, увезшими и статуи боговъ Халда и Багбарту, и что, хотя мѣстному правителю Урзанѣ удалось лично спастись, семья его попала въ плѣнъ къ Саргону II, лично стоявшему во главѣ войскъ. Царь Руса, по ассирійской лѣтописи, отъ огорченія покончилъ жизнь самоубійствомъ¹.

Естественно сопоставленіе съ этимъ событіемъ надписи у Топузавѣ, упоминающей тѣ же имена: Мусасирь, Руса, Урзана.

Весьма заманчиво объясненіе ея, какъ ближайшаго послѣдствія происшествій 714 года², однако, принять его возможно, лишь опорочивъ указанное извѣстіе о смерти Русы тотчасъ послѣ похода Саргона. Для неспеціалиста доступны лишь аргументы простого здраваго смысла, и съ этой точки зрѣнія можно отмѣтить, что не только въ сохранившейся и переведенной части надписи нѣтъ слѣдовъ естественнаго гнѣва на святотатство ассирійцевъ³, но и сама надпись составлена съ ассирійскимъ переводомъ, т. е. на языкѣ насильниковъ надъ тѣмъ самымъ богомъ Халда, которому Руса приноситъ жертвы⁴.

Внѣ нашей компетенціи стоитъ другой вопросъ, связанный съ памятникомъ у Топузавѣ, а именно, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ Мусасирь къ своимъ могущественнымъ сосѣдямъ: Ассиріи и ванскому царству⁵, но инте-

рл. 141, изображеніе разграбленія Мусасира на фризѣхъ хорсабадскаго дворца. Оно воспроизведено у Saucе (1882), Hirschfeld (1885), М. В. Никольскаго, Матер. по арх. Кавк., т. V, табл. VI, и Sarré-Herzfeld, Iranische Felsrel., 1910, стр. 8, но безъ важнаго для географіи верха рельефа, изображающаго горный пейзажъ.

¹ «Avec sa propre trée de fer, comme à un porc il se perça le coeur» пер. Thugéau-Dangin изъ Winkler, Keilinschrifttexte Sargon's, строки 101—39. Изданный самимъ Thugéau-Dangin документъ выражается гораздо глуше: въ немъ говорится лишь о болѣзни Русы (стр. 151).

² См. Belck, Die Rusas-Stele, стр. 124. Гораздо осторожнѣе Lehmann, Sitzungsber. Berl. Akad., 1900, допускающій постановку стелы и до, и послѣ 714 г. Thugéau Dangin, цит. соч., говоритъ по поводу предположенія Белька: ce n'est pas impossible... mais Belck me semble faire très bon marché du témoignage assyrien qui fait mourir Ursa immédiatement après l'expédition (т. е. Саргона) de Musasir. Des évènements que nous ignorons antérieurs à 714 ont pu donner lieu à l'intervention d'Ursa».

³ Крайне втянуто предположеніе Белька, что ассирійцы въ одну изъ послѣдующихъ экспедицій сколази именно ту часть надписи, которая имъ была неприятна. Но таковою она была вся!

⁴ Если бы это было сдѣлано для большей вразумительности насильникамъ, то еще болѣе естественно было бы наполнить содержаніе надписи проклятіями по адресу ассирійцевъ.

⁵ Относящіеся сюда факты—вкратцѣ таковы: печать Урзаны составлена на ассирійскомъ языкѣ, имя же его по формѣ сопоставляется съ именемъ халдскаго царя Русы, иваче Урсы (Streck, о. с., 124): если Мусасирь лежитъ у Сидакава, то знаменательно присутствіе ассирійскаго перевода въ халдскихъ надписяхъ Топузавѣ и Келшина; Урзана писалъ донесенія мажордому ассирійскаго царя (по тону довольно малопочтительныя—ср. T.-Dangin); Саргонъ обвиняетъ Урзаны въ томъ, что овъ предался урартійцамъ и отказалъ въ повинно-

ресно выяснить причину нахождения памятника именно на дороге у Топузавъ. Ответъ членовъ германской экспедиціи простъ: они считаютъ, что въ 1 километрѣ отъ надписи на холмахъ противоположной лѣвой стороны рѣчки имъ удалось найти развалины города Мусасира, въ видѣ «небольшого замка на кругломъ холмѣ». Послѣдній имѣетъ въ высоту 25—30 метр., а площадь развалинъ 36×72 метр. Сохранились лишь слѣды фундаментовъ (Burganlage) изъ камней на извести. Насколько можно понять изъ описанія Белька¹, холмъ, называемый теперь по курдски Шкенна, лежитъ между р. Топузавъ и дер. Борѣ.

При всей важности сдѣланной находки, отождествленіе ея съ Мусасиромъ нуждается еще въ провѣркѣ. Прежде всего, изъ примѣра Келяшина видно, что одно упоминаніе имени въ надписи недостаточно для того, чтобы считать памятникъ своего рода указательнымъ столбомъ того мѣста, которое носить это имя. Далѣе, если ассирійскіе рельефы имѣютъ реалистическую тенденцію, то вышеупомянутый фризь Саргона, изображающій храмъ у подножія горъ, не сходится съ положеніемъ развалинъ на холмѣ, господствующемъ надъ возвышенностью. Возбуждаютъ сомнѣнія и размѣры ихъ площади².

Ближайшей причиной избранія данного мѣста для памятника (въ 1—1½ килом. даже отъ Шкенна)—являлось, конечно, желаніе приблизить его къ дорогѣ на Келяшинъ, что еще болѣе подчеркиваетъ значеніе послѣдней въ древности³. Въ высшей степени знаменателенъ упомянутый фактъ находженія на ней двухъ единственныхъ халдо-ассирійскихъ двуязычныхъ надписей, упоминающихъ, къ тому же, Мусасиръ. Послѣдній *долженъ* лежать по близости памятниковъ, но для точнаго помѣщенія его необходимо болѣе подробное географическое и археологическое изслѣдованіе этихъ дикихъ нынѣ мѣстъ. Насколько недостаточны результаты простого анализа древнихъ текстовъ, показываетъ примѣръ Штрека, сгруппировавшего всѣ ассирійскія упоминанія различныхъ географическихъ именъ; такимъ образомъ

веніи ассирійскимъ войскамъ (Сэйст, 1882, 673); при разграбленіи Мусасира Саргономъ, Урзана и Рука представляются *одной* стороной; въ городѣ Мусасирѣ находилось святилище халдскихъ боговъ и т. д. Все это даетъ поводъ Леманну (1904) назвать Мусасиръ Puffer-Staatchen.

¹ Die Rusas-Stele. Не зная въ 1914 г. трудовъ германской экспедиціи, я не могъ осмотрѣть развалинъ.

² Belck, цит. соч., ссылается на небольшіе размѣры другихъ халдскихъ построекъ, но добавляетъ, что на Шкенна стоялъ лишь дворецъ или храмъ. Повидимому, отъ предполагаемаго города (Stadt) Мусасира на возвышенности не осталось никакихъ слѣдовъ.

³ Независимо отъ того была ли она продолженіемъ пути изъ Ассиріи или пути изъ Вана, какъ считаетъ Белькъ (см. выше стр. 158). Говорилъ о Heerstrasse нельзя забывать простыхъ мирныхъ сношеній, по поводу которыхъ (Ассирія—бассейнъ Урмійскаго озера) нѣтъ уже никакихъ возраженій.

установлено лишь, что Мусасиръ лежалъ «въ непосредственной близости отъ Урарту и Хубушкія, южнѣе первой изъ этихъ земель и болѣе въ сторону Ассириѣ»¹.

Повидимому, Thureau-Dangin нѣсколько преувеличиваетъ силу до-ступнаго намъ толкованія древне-восточной географіи, если на основаніи своего комментарія къ описанію восьмого похода Саргона II переноситъ *центр* Мусасира далеко на сѣверъ въ область нынѣшняго Гявера². Едва ли можно предполагать такое обширное протяженіе вассальнаго владѣнія, части котораго были бы разрѣзаны трудно-проходимыми участками, тѣмъ болѣе, что существованіе «халдской военной дороги» между Ваномъ, Башкалой, Гяверомъ и Сидаканомъ довольно сомнительно, какъ въ смыслѣ ея назначенія, такъ и чисто фактически (см. выше). Говоря объ интересующихъ насъ памятникахъ, Thureau-Dangin добавляетъ: «эти стелы могли бы обозначать не мѣсто страны Мусасиръ, но южную границу района, подчиненнаго власти и вліянію царей Мусасира и ихъ урартскихъ покровителей во времена Ишпуини и Урсы: онѣ могли бы быть нѣкоторымъ образомъ (en quelque manière) пограничными столбами». Мы уже видѣли, что votивный характеръ одной надписи и исторической — другой совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ своеобразнымъ кудурру, которыми упомянутый авторъ хочетъ представить наши памятники. Еще Перкинсъ (см. выше) справедливо отмѣтилъ невозможность вообразить какую-нибудь границу у Тоузавъ; надо полагать, что въ древности границы опирались на какіе-нибудь твердые географическіе признаки, которыхъ не можетъ быть посреди большой дороги. Можно не считать доказаннымъ, что городъ и святилище находились на Шкена, но удалять область отъ нашихъ памятниковъ врядъ ли есть основанія. По верховьямъ рѣчекъ между Келяшиномъ и Сидаканомъ ютятся и сейчасъ нѣсколько деревень (Беркма и друг.); на запутанныхъ склонахъ горъ къ западу отъ Канділя (Сіа-кѣу) видны и запустѣлыя сады, и урочища (Пир-Брантъ, Сенянь и т. д.). Для древняго Мусасира врядъ ли нужно искать «vallée de quelque importance» (T.-Dangin), если само семитическое имя этой области можетъ означать «мѣсто выхода змѣи», т. е., очевидно, щель, пору³.

¹ Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilschriften, Zeitschrift f. Assyriologie, XIV, 1899, стр. 132. Работа написана до появленія работъ германской экспедиціи и въ отношеніи Урарту значительно устарѣла.

² Каза турецкаго саяджака Хеккяри, Ванскаго вилаета, лежащая на р. Нижель (иначе Гявер-су), лѣвомъ притоцѣ Бол. Заба. Главный пунктъ казы — селеніе Диез.

³ См. Sa uce, Academy, 1895 и JRAS, 1894, стр. 625. Штрекъ несогласенъ съ этой этимологіей и называетъ ее gekünstelt und wenig überzeugend. Не касаясь вопроса по существу,

III.

Древнѣйшіе памятники вблизи Урмійскаго озера.

Малочисленность памятниковъ на восточномъ берегу озера. Древности по р. Джагату. Памятники южнаго и западнаго берега. 1. Надпись у Таш-тене и территория манеевъ. 2. Оросительныя сооруженія р. Татаву. 3. Скала Саукендъ. 4. Гробница Факрака; другія сходныя съ нею сооруженія. 5. Курганы Лхиджана, Сулдуза и т. д. Раскопки въ Урми. 6. Остатки старинъ въ районѣ Сердешта. 7. Кели-сипанъ. 8. Высѣченныя камеры: на рр. Барандузъ и Наазу, Зенджиръ-кала въ Салмаст, камера у дер. Сенгеръ (Ману). Заключеніе.

Географическія рамки древней исторіи, постепенно расширяясь, захватили и сосѣдній съ ванскимъ царствомъ бассейнъ Урмійскаго озера. Имѣется уже рядъ попытокъ выяснитъ политическое состояніе находившихся здѣсь областей, или вѣрнѣе, ихъ географію и этнографію¹. До сихъ поръ, однако, въ локализациі древнихъ названій замѣчаются большія колебанія, и лишь въ отношеніи манеевъ Бельку удалось установить одинъ незыблемый фактъ. Большія затрудненія вносятъ въ дѣло смѣщенія и переселенія, имѣвшія мѣсто среди этихъ народностей. Возможно, наконецъ, что нѣкоторыя имена, приводимыя въ ассирійскихъ источникахъ, окажутся, подобно Мусасиру, нетуземнаго происхожденія.

Помимо накопленія письменныхъ памятниковъ возможно ожидать нѣкотораго освѣщенія вопроса и отъ собиранія существующихъ мѣстныхъ названій горъ, рѣкъ и урочищъ. На русскомъ языкѣ собраны уже значи-

---

можно, однако, допустить, что, какъ *народная этимологія*, толкованіе Сэйса могло раздѣляться ассирійцами и отражать ихъ представленія о географіи Мусасира. Ср. *ассирійскую* надпись на печати Урзаны (вынѣ въ Гаагскомъ музеѣ): «seau d'Urgana, roi de Musasir, ...dont, comme d'un serpent (NB) dans les montagnes ennemies la bouche est ouverte» (перев. T.-Dangin). Даже, какъ игра словъ, этотъ фактъ знаменателенъ. Въ халдскомъ текстѣ обоихъ *bilingues* Мусасиръ называется по имени солнечнаго бога «городъ Ардини», что открылъ Сэйсъ въ 1893 г.

¹ Помимо общихъ сочиненій появились слѣдующія спеціальныя работы: Belck, Das Reich der Mannäer, Verh. Berl. Gcsell. Anthr. 1894, 479—87; A. Billerbeck, Das Sandeschak Suleimania und dessen pers. Nachbarlandschaften zu babyl. und assyr. Zeit., Leipzig, 1898 — работа захватываетъ и югъ Урм. озера; авторъ лично съ мѣстностью, видимо, не знакомъ; рецензіи (имѣ въ извѣстны): Orient Litt. Ztg., II, 89—92 (Hüsing), Deut. Litt. Ztg., 1899, № 24, 936—7 (Jensen), Litt. Ctrbl. 1899, № 34, 1161—2; M. Ströck, Das Gebiet der heutigen Landsch. Armen., Kurdistan und Westpersien nach den bab.-ass. Keilinsch., Zeitsch. f. Assyriol., XIII, XIV и XV; первая часть издана особо въ видѣ диссертациі München, 1898; объ Урарту, Мусасирѣ, манеевѣхъ см. Z. A., XIV, 1889, гдѣ на стр. 134 пересмотрѣны и всѣ данныя статьи Белька; — для древней географіи данныхъ мѣсть работа Штрека основная; Thureau-Dangin, цит. выше Rapport de la 8-me camp. de Sargon etc., гдѣ на картѣ обозначены соображенія автора о маршрутѣ Саргона; здѣсь многое можно принять лишь на вѣру, напр., путь Саргона по *восточному* берегу Урмійскаго озера, хотя возможно, что онъ прошелъ и западнѣе Урмиі по округамъ Мергерверъ, Тергерверъ и т. д., о которыхъ всѣ изслѣдователи, какъ бы, забываютъ. Во всякомъ случаѣ новый географическій матеріалъ крайне интересенъ.

тельные материалы по номенклатурѣ западнаго и южнаго Азербайджана¹, и весьма возможно, что среди нихъ окажутся остатки весьма отдаленной древности².

Необходима и детальная регистрація сохранившихся памятниковъ древности съ нанесеніемъ ихъ на карту; такимъ образомъ могутъ выясниться основныя черты разселенія племенъ, пути, которыми пользовались въ древности, предѣлы распространенія извѣстныхъ явленій культуры.

Нижегдѣующее представляетъ попытку каталогизаціи древностей въ районѣ къ югу и западу Урмійскаго озера, на основаніи какъ личныхъ моихъ наблюденій³, такъ и данныхъ другихъ путешественниковъ.

Что касается восточнаго берега озера, то извѣстные на немъ памятники не восходятъ вообще ранѣе эпохи монголовъ⁴, если не считать помѣщений, выдолбленныхъ въ скалѣ марагинской обсерваторіи Насир-ед-дина Туси⁵. Уединенный островъ (иногда(?) полуостровъ) Шабъ или Шāhā, извѣстный у мусульманскихъ писателей подъ именемъ Телā⁶, могъ бы, казалось, сохранить остатки большой древности, но и на немъ новѣйшій изслѣдователь упоминаетъ лишь мусульманскія развалины⁷. Необходимо, конечно,

¹ См. цит. соч. Е. И. Чирикова; сдѣланный Гамазовымъ переводъ книги Хуршид-Эзенди; мою работу «Свѣдѣнія о населеніи вѣток. [тур.-перс.] пограничныхъ округовъ», изд. Мин. Ин. Дѣл., 1915, а также карту Моргана и новыя русскія съемки Азербайджана.

² Конечно, не рѣшаясь ни на какіе выводы, я укажу на загадочное названіе дер. Карниса (Кыр-нейса) на р. Назу-чай немого выше камеръ въ скалѣ у Исмаил-Ага-каласы (см. ниже, стр. 189). Ср. Саусе, JRAS, XIV, 1882, стр. 397, гдѣ говорится, что ванскій царь Сардуръ построилъ около Малатія городъ Kar-nisi, а сирійское названіе котораго («the town of men») указывало на такой же составъ его населенія. Вышнее звуковое сходство можно отмѣтить у названія округа Хорхоре (около Саккыза) и древней области Хархаръ, помѣщаемой всѣми изслѣдователями по близости (въ районѣ Севнейскаго Курдистана). Насколько прочны бывають переживанія именъ доказываетъ нынѣшній Шушъ (Суза), Хамаданъ (Хагматана), Малатія (Мелидду) и т. д.

³ Я былъ въ этихъ мѣстахъ въ 1906, 1911 и 1914 гг.

⁴ Ср. Morgan, IV, 283: dans les plaines de la rive orientale du lac d'Ourmiah on ne voit que peu de tells.

⁵ О ней см. Ritter, IX, 836; новѣйшія свѣдѣнія см. Н. Schindler, Zeitsch. d. Gesel. f. Erdkunde, XVIII, 1883, 320—44: она южн. отрогъ холма Расадъ (т. е. обсерваторіи) находится входъ вырубленной въ песчаникѣ пещеры, состоящей изъ трехъ комнатъ въ 4 метр. высоты, подземнаго хода въ 38 шаговъ и малой недооконченной камеры, расположенной подъ другими; авторъ отвергаетъ мысль о ея соединеніи въ старое время съ обсерваторіей на холмѣ и допускаетъ возможность ея постройки въ до-мусульманскую эпоху. Деманья, Armen. einst u. jetzt, 219, считаетъ, что пещера могла получить «свой нынѣшній, приспособленный для христіанскаго богослуженія видъ въ эпоху сасанидскихъ гоненій на христіанъ», но затрудняется высказаться о ея основномъ происхожденіи и назначеніи. Я могу подтвердить, что на мѣстѣ сохраняется преданіе о томъ, что пещера была церковью.

⁶ Мусульманскіе источники собраны у Le Strange, East. Caliphate, 160—1.

⁷ R. de Mecquenem (нынѣшній замѣститель Моргана въ Сузахъ), Le lac d'Ourmiah, Annales de géog., XVII, 1908, 128—44. Онъ упоминаетъ около дер. Сарай (на вост. берегу озера) остатки крѣпости, охранявшей проходъ на островъ, а кромѣ того, на самой воз-

отмѣтить преданіе о существовавшей некогда дорогѣ (гати?) поперекъ озера между Урміей и Бинабомъ, нынѣ затопленной водой. Ролинсонъ еще засталъ въ живыхъ одного афшарскаго хана, лично воспользовавшагося однажды этимъ путемъ. Подтверженіе преданія мнѣ пришлось слышать въ 1906 г. въ урочищѣ Каргабазаръ (къ с. отъ Аджешира). Ролинсонъ высказывалъ предположеніе, что подобное сооруженіе, если оно существовало, должно было восходить къ временамъ Ассиріи или Мидіи. Быть можетъ, промѣры озера въ связи съ утверждающимся на немъ русскимъ судоходствомъ разяснятъ эту загадку; возможно, что рѣчь шла здѣсь о естественномъ поднятіи дна озера.

Гораздо богаче въ отношеніи древностей бассейнъ р. Джагату, впадающей въ озеро съ юго-востока. На правомъ берегу ея находятся открытыя Монгитомъ¹ развалины города Лейманъ (10 верстъ къ с. в. отъ Міандаоба); на верховьяхъ праваго притока Сарука лежитъ знаменитый Тахти-Сулейманъ (Газна, Шизъ), стоящій, однако, внѣ рамокъ настоящей статьи; наконецъ, нѣсколько къ югу отъ средняго Сарука Кер Портеръ (по указаніямъ д-ра Кормика) открылъ знаменитыя пещеры Керето, представляющія собою цѣлый городъ частью искусственно высѣченныхъ въ скалѣ комнаты, частью обдѣланныхъ естественныхъ гротовъ².

вышенной (culminant) точкѣ по срединѣ острова «ruines d'un château où quelques traditions placent le tombeau de Houlagou-Khan...». Въ 1904 г., идя отъ Урмійскаго берега на лодкѣ подъ парусами, я былъ занесенъ на Шаху въ дер. Гямичи (на югѣ): отсюда мы проѣхали берегомъ до дер. Сарай, а далѣе верхомъ же пересѣкли мелкій (по брюхо лошади) проливъ между островомъ и восточнымъ берегомъ, что далося часа полтора, и вышли къ дер. Ильхичи. Теперь островъ прекрасно нанесенъ на новой русской картѣ. Развалины первой крѣпости обозначены на мысѣ къ с. в. отъ дер. Сарай. Рядъ скалъ острова поднимается надъ озеромъ на 300—400 саж. На одной изъ нихъ (на ю. з. острова) показаны сразвал. крѣп. Клыбрь-каласи. Это, очевидно, и есть «Замокъ Хулагу» (гробница? «Гур-кале»), о которомъ упоминаетъ Меккенемъ. Замокъ на островѣ существовалъ въ IX в.. Хулагу его перестроилъ, а во времена Тимура онъ былъ въ запустѣніи. Объ Урм. озерѣ, его островахъ и т. д., ср. изъ болѣе позднихъ еще R. T. Günther, Contrib. to the geogr. of lake Urmi, Geogr. Journ. XIV, 1899, 504—23. Трудно сказать, когда Шаху пересталъ быть полу-островомъ. Monteith, JRGS, III, 1883, 56, говорить: Peninsula of Shahey which is sometimes (H) an island. . . . in fact it is so at present. Съ другой стороны камня, на которомъ Monteith въ 1812 г. стоялъ на уровнѣ озера, черезъ 20 лѣтъ оказался на 10 футъ надъ водой. Благодаря любезности А. Ф. Штала, я уже послѣ набора настоящей статьи могъ просмотрѣть карту (Меккенема?) Versant occidental du Sabend, Exploration de la Dél. Fran. en Perse, 1904, 1: 400000, повидимому, изданную отдѣльно. На ней развалины на ю. з. острова названы Hussein-Chah Kalah (sic!).

¹ JRGS, III, 5—6 и Ritter, IX, 772, 827. Ролинсонъ (JRGS, X, 39 и 119) сообщаетъ мѣстное названіе развалинъ Калеи-Бѣхте и утверждаетъ, что Лейманъ, извѣстный и Хамдуллъ Мустоуфи, не старѣе эпохи монголовъ. Это, въ сущности, можетъ относиться лишь къ виднымъ на поверхности земли развалинамъ.

² До сихъ поръ нельзя безъ удивленія читать обстоятельнаго описанія этихъ колоссальныхъ сооружений у K. Porter, Travels, II, 538—52 (и у Ritter, IX, 816 и слѣд.). Камеры Керето надо въ особенности имѣть въ виду при рассмотрѣніи вопроса о другихъ сооруже-

Болѣе подробно мы перечислимъ лишь древности къ западу отъ Джагату, лѣвый берегъ которой считается началомъ Курдистана¹. Въ отношеніи районовъ, посѣщенныхъ въ 1838 г. Ролинсономъ, намъ придется въ значительной мѣрѣ опираться на его трудъ *Notes on a journey from Tabriz*², образецъ наблюдательности для всѣхъ послѣдующихъ путешественниковъ.

1. Въ первую голову слѣдуетъ упомянуть о единственномъ клинописномъ памятникѣ, найденномъ до самаго послѣдняго времени въ сѣверной Персіи³. Надпись помѣщалась на холмѣ Таш-тепе въ 1½ верстахъ къ с. в. отъ одноименной деревни въ междурѣчьи Джагату и Татаву, низовья которыхъ здѣсь сближаются на разстояніе версты пяти⁴. Послѣ неудачныхъ поисковъ Монтита⁵ надпись открылъ Ролинсонъ, отмѣтившій, что она имѣла 35 × 35 дюймовъ и состояла изъ 21 строки; уже и въ 1838 г. она была очень попорчена⁶, такъ какъ известнякъ скалы крошился большими чешуйками. Наверху холма видѣлись остатки какой то древней постройки. Вопреки Риттеру (о. с., 1014) изъ подлиннаго описанія не видно, чтобы Ролинсонъ связалъ надпись, но (въ 1857 г.?) оттискъ былъ сдѣланъ О. Блау, какъ упомянуто, не оставившимъ описанія своей поѣздки⁷. Переводъ, сдѣланный съ этого оттиска, напечатанъ Белькомъ, но сама надпись до сихъ поръ не издана⁸. Въ 1898 г. германская экспедиція нашла на скалѣ Таш-тепе

нѣльх въ скалахъ въ районѣ Урмійскаго озера. Сооруженія Керефто, едва-ли не со времени Ролинсона не посѣщавшіяся путешественниками, до сихъ поръ до словъ Кер-Портера, II, 551, объясняются культомъ бога Митры, ср. Sarge-Herzfeld, *Iran. Felsr.*, 11. О греческой надписи въ пещерахъ см. Rawlinson, l. c., 100 и Corp. inscrip. gr., № 4673.

[По сообщенію Я. И. Смирнова, Г. Кайбель (*Epigrammata Graeca ex lapidibus collecta*. Berolini. 1878, p. 512), издавая Помпейское граффито, (о. с. № *1138) упоминаетъ объ этой надписи какъ аналогичной Помпейской и, основываясь на изданіи ея въ *Cogrus Inscrip. topus Graecarum* (№ 4673), предлагаетъ читать: Ἡρχλήης ἐνθάδε χαιτοκεῖ, μηδὲν εἰσίστησι κακόν *Ред.*].

¹ Правильнѣе считать границей истиннаго расселенія курдовъ р. Татаву.

² JRGS, X, 1840, 1—64; тамъ же Memoir on the Site of the Atropatenaean Ecbatana, 65—158. Все существенное изъ первой статьи приведено у Ritter, IX, 1009 и слѣд.

³ Вторая ванская надпись, обнаруженная весьма недавно на персидской территоріи въ Маку, ожидаетъ еще своего опубликованія. О ней сообщилъ Н. Я. Марръ въ засѣданіи Вост. Отд. И. Арх. Общ. 28 апрѣля 1916 г.

⁴ Географическія данныя я привожу на основаніи новыхъ русскихъ съемокъ. Отъ Миадооба до Таш-тепе версты 20 въ с. в. з. направленіи.

⁵ JRGS, III, 6.

⁶ О. с., 12, «deplorably mutilated... the greater part of the writing is... altogether destroyed».

⁷ Saucе, JRAS, 1882, 386, говоритъ что въ Азіатскомъ музеѣ въ Петроградѣ имѣется «a faded photograph» Таш-тепе.

⁸ Belck, *Das Reich d. Mannäer*. Ср. Lehmann, Sitz. Berl. Akad., 1900, въ Corp. inscrip. chald. подъ № 23: «Eroberung des Mannäerlandes und der Stadt Mesta . . . Unpublicirt». T.-Dangin, о. с. IV: «le texte à ma connaissance n'a pas encore été publié. Неопытно замѣчаніе Лемаяна, Armen. einst und jetzt, 219 объ оттискѣ Блау, который «veröffentlicht in der Bibl. der D. Morgenl. Ges. zu Halle lag.».

лишь обрывки строкъ, такъ какъ надпись оказалась срѣзанной пасторомъ- (Missionsfeldprediger) Фаберъ, тѣмъ же, который вывезъ съ Кавказа и Таш-бурунскую надпись ¹.

Изъ перевода, данного у Белька ², видно, что памятникъ принадлежитъ вавскому царю Менуа и касается завоеваній его въ странѣ маннеевъ; упоминается и городъ послѣднихъ Meistaḥa (Mešta), повидимому, неизвѣстный изъ другихъ памятниковъ ³.

Относительно основной территории маннеевъ высказывались разныя мнѣнія, отражающія всю неустановленность древней географіи Урмійскаго района. Сэйсъ (JRAS, 1882, 400) помѣщалъ этотъ народъ на пространствахъ отъ Котура и Хоя до южнаго берега Урмійскаго озера. Белькъ, основываясь на своемъ открытіи, считалъ центръ разселенія маннеевъ у Таш-тепе, откуда они распространялись далѣе (на югъ и западъ?) подъ давленіемъ новыхъ передвиженій съ сѣвера отъ Аракса. Штрекъ, несогласный съ этимъ мнѣніемъ, полагаетъ, что первоначально маннеи жили въ нынѣшнихъ турецкихъ округахъ Шатахъ, Хошабъ и Башкала, а оттуда были вытѣснены ассирійцами (sic?) на ю. в. У Thureau-Dangin разселеніе маннеевъ показано по всей системѣ р. Джагату. Если откинуть вопросъ о первоначальной родинѣ, то фактъ долгаго пребыванія маннеевъ въ районѣ Таш-тепе (междурѣчье Джагату и Татаву), повидимому, не вызываетъ уже сомнѣній. Въ частности, весьма важно конкретное указаніе ассирійскихъ источниковъ, что разстояніе отъ мѣстности Бару (?) въ округѣ Аллабрія до много разъ упоминаемой столицы маннеевъ Изирту составляло 6 ассир. миль ⁴. Во время восьмого похода Саргона маннейскій царь Уллусуну встрѣтилъ его на границѣ своихъ владѣній въ Синихини. Оттуда Саргонъ заходитъ за данью въ Аллабрія ⁵, затѣмъ спускается въ Парсуа и прямо проходитъ опять въ страну маннеевъ. Все это происходитъ въ районѣ нынѣшняго муркрийскаго Курдистана къ востоку отъ пограничнаго хребта, черезъ которій ассирійцы уже перешли. Обиліе собственныхъ именъ (Сурикашъ, Ал-

¹ Lehmann, Armenien, 37, 170 и 221. Надпись Таш-тепе находится нынѣ въ Брит. музеѣ (Lehmann, Cor. inscr. chald., № 23), а Таш-бурунская приобрѣтена Берлинскимъ музеемъ, хотя въ Cor. inscr. Леманнъ почему то указываетъ мѣсто ея нахожденія: jetzt Sambul. Ср. ЗВО, XXII, стр. XLI.

² «Для могущественныхъ халдовъ Менуа, сынъ Ишпунни, построилъ (?) этотъ дворецъ въ городѣ (у города?) Менстаха . . . Онъ покорилъ всю (?) землю маннеевъ . . . . Говоритъ Менуа: я покорилъ землю маннеевъ . . . .». Странно, что надпись начинается не съ имени бога Халди.

³ Его иѣтъ у Streck, XIV, 138, 144. Белькъ говоритъ, что въ попорченной части надписи, повидимому, называются и другіе маннейскіе города.

⁴ Streck, XIV, 138. По расчету 6000 метр. X 6 получится около 36 верстъ.

⁵ Thureau-Dangin. о. с., 31.

лабріа, Парсуа и т. д.) показываетъ, что они соответствовали небольшимъ округамъ, и Аллабріа возможно помѣстить, напр., въ районѣ р. Кялу (М. Забъ)¹. Радиусъ въ 6 ассир. миль укажетъ отсюда для Изирту положеніе въ районѣ Соуч-булаха, т. е. опять таки недалеко отъ Таш-тепе. Это все же даетъ нѣкоторую ориентировку, такъ какъ владѣнія манвеевъ тянулись на весьма значительныя разстоянія: отъ Изирту до Иштатти Ассур-банипалъ считалъ 15 дней².

Кстати можно замѣтить, что изъ остальныхъ народовъ береговъ Урмійскаго озера болѣе или менѣе принято помѣщать Парсуа въ области нижняго Гадыра (Morgan, IV, 222, T.-Dangin) и Кирзанъ или Гильсанъ на с. и с. з. озера (L. W. King³, Streck); невозможнымъ, однако, оказалось подыскать хотя бы три согласныхъ мнѣнія въ отношеніи расселенія этихъ же племенъ⁴.

2. Нельзя, конечно, всѣ старыя ирригаціонныя работы относить за счетъ халдовъ, отличавшихся, какъ извѣстно, большимъ искусствомъ въ проведеніи воды, но интересно существованіе по близости Таш-тепе значительныхъ оросительныхъ сооружений, свидѣтельствующихъ о важности очага культуры, нѣкогда существовавшего здѣсь.

Выше города Міандооба «на значительное разстояніе въ скалѣ» пробить тоннель, «по которому прежде направлялись нужнымъ образомъ воды Джагату. Тоннель этотъ носить названіе Хулагу. . . . При входѣ въ тоннель имѣется высѣченное въ скалѣ изображеніе льва»⁵.

Другое подобное сооруженіе находится на лѣвомъ берегу р. Татаву. Пересохшая нынѣ канава (въ нѣсколько сажень ширины) выведена изъ плотины у дер. Сарыкамышъ и, кромѣ того, принимаетъ слѣва воды хол-

¹ T.-Dangin, о. с., помѣщаетъ Аллабріа въ районѣ верхняго Татаву (— нынѣшняя территория племени Гоурукъ). Для древнихъ границъ скорѣе допустимы болѣе крупныя грани, каковъ хребетъ Куртекъ, стоящій на водораздѣлѣ Урм. озера и Кялу. Для Парсуа возможно указать нижнюю долину р. Гадыра, ю. з. притока озера, т. е. нынѣшній округъ Сулдузъ. Даже зайдя далеко на востокъ (Зикирту и т. д.), Саргонъ могъ вернуться къ Урарту, минуя неупоминаемый имъ вторично Парсуа: онъ могъ пройти отъ Джагату прямо въ Лахиджанъ и оттуда двгаться на сѣверъ вдоль нынѣшнихъ пограничныхъ горъ по западной сторонѣ Урм. озера.

² Streck, *ibid.*

³ См. его отмѣтки (красный шрифтъ) на Map of Eastern Turkey-in-Asia 1:2.000.000 изд. Royal Geogr. Soc., 1910.

⁴ Это обнаружилось при составленіи мною таблицы на основаніи перечисленныхъ изслѣдованій.

⁵ Д. Д. Бѣляевъ, Очеркъ с. в. части Перс. Курдистанъ, Изв. Штаба Кавк. Воен. Округа, 1911, № 30. Не имѣя подъ рукой моихъ дневниковъ 1906 г., я припоминаю, что отъ города до тоннеля около часа ѣзды, и что изображеніе льва невелико и грубой работы (высѣчены лишь контуры). Смутно помню, что по сосѣдству мѣ показывали лѣстницу, вырубленную въ скалѣ.

мовъ Кызыл-дагъ. Черезъ каналъ — двѣ переправы-гати: на марагинской дорогѣ и у селенія Тальхабъ. Для пропуска воды въ скалистомъ отрогѣ ниже Тальхаба пробито отверстие — Делик-дашъ, теперь разрушившееся; на обломкахъ грубо высѣчена арабская надпись. Еще ниже на отрогѣ (Кызыль-дага?) находится башня Кыз-кала изъ громадныхъ камней и слоевъ сырца, переложенныхъ камышомъ. Отъ Кыз-кала до слѣдующаго отрога идетъ дамба шириною въ 30 саж. и высотой до 2 саж., имѣющая цѣлю предохранять долинку между отрогами отъ разливовъ Татаву и соленыхъ водъ озера (Бѣляевъ, *ibid.*).

Надо замѣтить, что и Делик-дашъ (у одноименной деревни), и Кыз-кала лежатъ въ непосредственной близости Таш-тепе (4—5 верстѣ). Имя Хулагу¹ можетъ, конечно, быть простымъ указаніемъ на древность, безъ претензіи на хронологическую точность. Весьма желательно выясненіе подробностей арабской (?) надписи. Характерны во всякомъ случаѣ работы, произведенныя въ скалахъ, и громадная, судя по описанію, дамба, назначеніе которой не вполне ясно, такъ какъ огороженное ею пространство, по видимому, невелико.

3. Третья рѣка, впадающая съ юга въ озеро, носить названіе Соучбулахъ. Округъ низовьевъ ея, на сѣверъ отъ одноименнаго города, называется Шари(= шәһри)-веранъ («запустѣлый городъ»). Старымъ центромъ его является селеніе Дерязъ², лежащее верстахъ въ 3 къ с. з. отъ нынѣшней главной деревни Индырқашъ³, но слѣды древней осѣлости находятся отъ Дерязъ еще немного къ сѣверу. По словамъ Н. Schindler'a⁴, въ деревнѣ Кум-кала и на сосѣднихъ поляхъ «часто находятъ урны съ человѣческими костями, а также остатки древнихъ построекъ и стѣнъ».

Весьма теменъ вопросъ о храмахъ огня по сосѣдству Соучбулаха.

¹ Въ Персіи произносятъ hālakū и даже hālakī; ср. названіе русской станціи Аляки (въ Джульфа—Тавризской дорогѣ) встать, въ 2 верстахъ къ сѣверу отъ послѣдней на холмѣ (черезъ дорогу отъ развалинъ каравансарая Шахъ Аббаса) находятся остатки старой крѣпости изъ громадныхъ камней; изъ долины наверхъ холма поднимается широкая мощевая дорога.

² По его имени دریا می въ Шереф-наме называется весь округъ (éd. Véliam. Zernoff, I, 288; перев. Charfou, II, première partie, 145). Ролинсонъ не зналъ его мѣстонахожденія, но по имени сопоставлялъ съ Dariāusa Птолема (VI, сар. 2). Опознаніе Дерязъ укрѣпляеть и другую гипотезу Ролинсона о Сирганъ (Синганъ?)=Sincar (см. ниже); послѣднее названіе помѣщено у Птолема въ спискѣ мидійскихъ мѣстностей рядомъ съ Dariāusa.

³ Или Эгри-қашъ, что, очевидно, является новѣйшимъ искаженіемъ въ угоду народно-этимологіи (по тур. «кривалъ бровь»). Любопытно сопоставить вторую часть имени Индырқашъ съ именемъ древней мавнейской области Surikaš, лежавшей въ этихъ мѣстахъ. Въ качествѣ матеріала для изслѣдователей могу указать на названіе округа на ю. отъ Ляхиджана на правомъ берегу р. Кялу: Тыркешъ. Написаніе его ترکیشى (не تیرکشی), какъ будто, не допускаетъ легкихъ персидскихъ этимологіи («стрѣла», «натягивать» и т. д.).

⁴ Zeitsch. d. Gesell. f. Erdkunde, XVIII, 341.

Монтить, проѣзжая отъ Лейяна къ этому городу, отмѣчаетъ прежде всего такой атеш-гаһ у дер. Сатылмышъ (на прав. берегу р. Джагату около впаденія марагинской рѣчки Мюрдн-чай). На разстояніи 30 миль отъ Сатылмыша по соучбулахской дорогѣ Монтить осмотрѣлъ развалины Шахри-сабзъ («зеленый городъ»), оказавшіяся «небольшой, но весьма древней крѣпостью, очевидно, предназначенной для охраны главнаго входа въ Курдистанъ»¹. Недалеко (not far) отъ этихъ развалинъ и въ 12 миляхъ отъ Соучбулаха тотъ же путешественникъ нашелъ «одинъ изъ наиболѣе сохранившихся храмовъ огня, какіе ему приходилось видѣть въ Персіи». Это интересное сооруженіе «поддерживалось 8 колоннами, вырубленными изъ скалы, и было доступно лишь съ помощью лѣстницы. Алтарь былъ въ полной сохранности, равно какъ и нѣсколько недурныхъ барельефовъ (sculpture) жрецовъ, поддерживающихъ священный огонь, точно такъ, какъ это изображается на сасанидскихъ (Sassanian! sic) монетахъ. По слухамъ существовали и клинописныя надписи², но мы ихъ не нашли»³.

Дальнѣйшій слѣдъ этого въ высшей степени важнаго памятника совершенно затерялся⁴ и можно даже опасаться, не было ли тутъ съ самаго начала какого нибудь смѣшенія съ Факракой (см. ниже)⁵.

Наоборотъ, вполне опредѣленны указанія Ролинсона (о. с., 37), который въ 4 миляхъ къ сѣверу отъ Соучбулаха на лѣвомъ берегу одноименной рѣки нашелъ отдѣльно стоящую скалу Шейтан-абадъ, поверхность которой во многихъ мѣстахъ была искусственно сравнена; въ скалѣ оказался прорубленный ходъ, вродѣ водопровода, разрушившійся отъ времени (ср. Делик-дашъ). Немного ниже по рѣкѣ стоитъ другая скала Саукендъ (Saukend), также отесанная снаружи; на ней высѣчены правильныя лѣст-

¹ Главная дорога Мianдоабъ—Соучбулахъ проходитъ теперь южнѣе, но Монтить ѣхалъ не изъ Мianдооба, а изъ Сатылмыша, лежащаго сѣвернѣе; путь его, очевидно, лежалъ на Тальхабъ и Индыркашъ.

² Не о Таш-тепе ли идетъ здѣсь рѣчь?

³ Monteith, l. c. стр. 6. На пропуски въ пересказѣ Ritter, IX, 828, обратилъ мое вниманіе Я. И. Смирновъ. Надо замѣтить, что и у Монтита изложеніе весьма отрывочное.

⁴ Очевидно о томъ же атеш-гаһ Morgap, II, 43, замѣчаетъ, что онъ, повидимому, разрушенъ. Въ другомъ мѣстѣ, IV, 294, онъ весьма неопредѣленно добавляетъ, что по соѣдству Шари-верана видны слѣды нѣсколькихъ жертвенниковъ огня: «lorsque . . . on se rapprochons le pays à la chasse, fréquemment les kurdes m'ont désigné des montagnes en me disant que jadis elles étaient surmontées d'autels des gèbres».

⁵ Можно думать, что Sheher-subz Монтита соответствуетъ горѣ Саузпошъ («одѣтанъ въ зеленое»), нанесенной на новой русской картѣ и столцей на востокъ Шари-верана по сѣв. сторону упомянутой дороги Тальхабъ-Индыркашъ. По прямой линіи Сатылмышъ отстоитъ отъ горы на 22 версты. Отъ горы до Факраки 7 верстъ, а отъ Факраки до Соучбулаха 10 верстъ. Можно такимъ образомъ сказать, что Факрака лежитъ по близости Саузпошъ, а отношеніе 30 и 12 миль напоминаетъ соответственныя прямыя линіи въ 22 и 10 верстъ. Дорога отъ горы на Соучбулахъ неизбежно идетъ мимо Факраки.

ницы, ведущія наверхъ на площадку, гдѣ имѣется небольшой бассейнъ, выдолбленный въ скалѣ, и 4 отверстия по угламъ, быть можетъ, для столбовъ, поддерживавшихъ навѣсъ надъ водою. Внутри скалы продѣланъ узкій извивающийся ходъ¹, по которому Ролисонъ доползъ до низкой камеры. Предполагалъ, что въ Саукендѣ былъ храмъ огня, Ролисонъ признавалъ, однако, что всѣ его слѣды исчезли.

4. Напротивъ указанныхъ остатковъ древности, на правомъ берегу рѣки, лежитъ дер. Индырқашъ, а въ 2 верстахъ къ с. в. отъ нея находится извѣстная скала съ высѣченной въ ней гробницей, носящая у курдовъ названіе Факрака² и описанная впервые Ролисономъ³. По культурному своему интересу Факрака можетъ вполне сравниться съ надписью Таштепе, но отсутствіе надписей и изображеній сильно затрудняетъ опредѣленіе ея эпохи и мѣста въ исторіи.

Ролисонъ довольно осторожно относилъ Факраку «къ тому же ряду древнихъ гробницъ, какъ и персеиольскія», а Морганъ безъ оговорокъ называлъ ее ахеменидской усыпальницей, и изъ факта ея мѣсто-нахожденія дѣлалъ выводъ о распространеніи власти ахеменидовъ и на югъ Урмійскаго озера.

Вопросъ, однако, не рѣшается такъ просто. Прежде всего, мѣста погребенія всѣхъ послѣднихъ ахеменидовъ, начиная съ Дарія, исчерпываются четырьмя высѣченными въ скалахъ гробницами Накши-Рустема и тремя—Персеполя⁴. Нельзя категорически отвергать объясненія полной изолиро-

¹ Ролисонъ считаетъ его остаткомъ канала, шедшаго отъ Шейтан-абада. Не сюда ли относится и замѣчаніе Бѣляева, что на отрогѣ противъ д. Индырқашъ «сохранился провизавшій всю толщину скалистаго массива колодезь, къ которому издадека, то по вырубленнымъ въ скалѣ открытымъ канавамъ, то по тоннелямъ-трубамъ была проведена вода изъ р. Соуч-булахъ».

² O. Mann, Die Mundart der Mukri-kurden, I, 285: hât gâîâ faqrâqûa—«пришелъ, достигъ Факраки» (въ пѣснѣ о Баир-агѣ изъ племени Мангуръ).

³ Rawlinson, Fakhra, o. c., 37; H. Schindler, l. c.—совершенно бѣглая замѣтка, гдѣ Ф. названа сасанидской могилой; Morgan, IV, 298, гдѣ даны фотографія, подробный планъ, реконструкція колоннъ (сомнительна: ср. Sarré-Herzfeld, Iran. Felsreliefs, 122) и копія позднѣйшихъ, но загадочныхъ graffiti на стѣнахъ камеръ; Lehmann, Armenien, 226, поскольку говоритъ, что эти graffiti начертаны арабскими и еврейскими буквами, однако, это не можетъ относиться къ главной находкѣ Моргана. Она заслуживаетъ полнаго вниманія; graffiti эти интересно было бы сопоставить съ неразобранными письменами пергамента, недавно найденнаго, вмѣстѣ съ 2 контрактами на греческомъ языкѣ, въ округѣ Авроманъ (Перс. Курдистанъ), ср. Ellis H. Minns, Parchments of the Parthian period from Avroman in Kurdistan, Journ. of Hellenic studies, XXXV, 1915, 22—65.

⁴ Sarré-Herzfeld, Iranische Felsreliefs, 1910, стр. 61. [Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на главы, касающіяся ахеменидовъ и написанныя Херцфельдомъ, указывается имя лишь этого автора]. Возбуждающая еще нѣкоторые сомнѣнія гробница Кира въ Пасаргадахъ совершенно много типа (отдѣльно стоящее сооруженіе въ видѣ комнаты изъ тесаныхъ камней, съ фронтономъ и т. д.). Новѣйшій изслѣдователь Херцфельдъ приписываетъ всѣмъ остат-

ванности Факраки и ея удаленности отъ Фарса путемъ допущенія ея принадлежності какому нибудь сатрапу, но для этого у насъ нѣтъ доказанныхъ аналогій, наоборотъ, подобныя сооруженія, весьма рѣдкія и дорогія, обычно принадлежатъ лицамъ царскаго происхожденія. Значительно и архитектурное отличіе нашего памятника отъ гробницъ Фарса, указывающее, вѣроятно, на различныя ступени развитія искусства. Не касаясь внутренняго плана и характера колоннъ, можно указать, что послѣднія на царскихъ гробницахъ имѣютъ характеръ декоративный, между тѣмъ какъ у Факраки двѣ настоящія колонны стоятъ у входа въ пещеру и раздѣляютъ его на три части¹.

Зато весьма тѣсно примыкаетъ интересующее насъ сооруженіе къ гробницамъ, найденнымъ далѣе на западъ въ Малой Азіи, или вѣрнѣе, къ пафлагонскому типу этихъ послѣднихъ. Наиболее характерною чертой усыпальницъ Пафлагоніи² являются «открытыя сѣни (портки, Vorhallen), поддерживаемыя свободно стоящими колоннами»³; собственно гробницы лежатъ далѣе вглубь помѣщенія сзади сѣней.

Точно такъ же у входа въ Факраку находятся упомянутыя двѣ колонны⁴, а за ними идутъ сѣни (притворъ, Vorgaush). Далѣе, на двѣ ступени

кактъ Пасаргадъ болѣе древность, нежели Персеполис и т. д. Сравн., о. с., введение и отдѣльную работу Херцефельда Pasargadae, въ Klio VIII, 1908, въ особенности итоги на стр. 66.

¹ Эту разницу отмѣтилъ G. Hirschfeld, Paphlagonische Felsengräber, Abh. Berl. Akad., 1885 1—52—7 табллицъ; стр. 31: «Phrygien kennt diese Anlage (т. е. колонны, какъ въ Пафлагоніи, и добавитъ, у Факраки) gar nicht, sondern nur eine decorative, allerdings recht alte Verwendung der Säulen, wie sie auch bei den Persischen Königsgräbern von Persepolis und Nakschi-Rustam stattfindet». То же отмѣчаетъ Perrot et Chipiez, Hist. de l'art, t. V, 1890, 637 (по поводу Дуккани-Давуда и гробницы въ Сахне). Herzfeld, о. с., 59, формулируетъ разницу такъ: малоазіатско-мидійскій типъ стремится воспроизвести templum in antis, а гробницы Фарса подражаютъ фасаду персепольскихъ дворцовъ.

² О нихъ см. предварительный отчетъ Hirschfeld въ Sitzungsber. Berl. Akad., 1882, стр. 1089—92 и его же основную работу 1885 г. (см. выше), гдѣ указана вся литература. Между прочимъ гробницу въ Кастамуніи впервые описалъ Н. В. Ханьковъ, малоизвѣстный отчетъ о путешествіи котораго въ 1846 г. напечаталъ Кипертомъ съ сокращеніями въ Zeitsch. d. Gesell. f. Erdkunde, 1866, I, 415—435; маршрутъ Ханькова: Синопъ—Костамбуль (Кастамуніи)—Чапгры—Ангора—Амасія—Самсунъ; приложена карта, видъ гробницы и копія греческой надписи. Въ послѣднее время Пафлагонію изслѣдовалъ Leonhard, уже во время войны выпустившій книгу Paphlagonien (D. Reimer, Berl. 1915); предыдущія работы его помѣщены въ всестороннемъ мѣѣ Jahresber. d. Schles. Gesell. f. Vaterländ. Kultur за 1902 и 1906 (томы 80 и 84).

³ Hirschfeld, 1885; Lehmann, Armenien, 226, добавляетъ еще недоступность скалъ, но, напр., гробница Хамбар- (Hambar)-кая на Кызыль-ирмакъ не подходитъ подъ это условіе; кстати, у нея нѣтъ обычнаго фронтона, а колоннъ нѣтъся три.

⁴ Подробный планъ у Morgan, IV и Lehmann, Armenien, 226. Колонны анализируетъ Herzfeld, о. с., 121 и 122, прим. 1; онъ отмѣчаетъ ихъ единственную въ своемъ родѣ форму, но въ деталяхъ находитъ предчувствіе колоколообразной ахеменидской базы. Чрезвычайное разнообразіе типа колоннъ малоазійскихъ усыпальницъ Hirschfeld (1886) объясняетъ туземнымъ происхожденіемъ и архаичностью невыработанныхъ формъ.

выше стоятъ свободно еще 2 колонны, замѣняющія стѣну другихъ могилъ (Дуккани-Давудъ), а за ними уже идетъ усыпальница; въ полу послѣдней имѣются 3 углубленія (по 2 фута глубины), похожія на ванны; большее имѣетъ видъ расширенной въ перехватѣ восьмерки¹, а два меньшихъ выдолблены въ формѣ прямоугольниковъ. Неяснаго отношенія ихъ къ погребальнымъ обрядамъ мы не будемъ касаться.

Можно ли, однако, довольствоваться объясненіемъ² «специфически пафлагонскаго типа» Факраки передвиженіемъ съ запада на востокъ ерако-фригійскихъ армянъ и тибареновъ съ мосхамя, — «туземцевъ области высококоразвитаго стропельства въ скалахъ»? Странно, что именно въ восточной Арменіи у Ванскаго озера среди всѣхъ многочисленныхъ построекъ въ скалахъ Леманнъ не встрѣтилъ ни одной, «которая бы отдаленнѣйшимъ образомъ походила на Факраку»³. Зато удивительно сходство съ ней ряда усыпальницъ, лежащихъ опять съ громаднымъ географическимъ перерывомъ далеко на югъ у воротъ Загроса, куда не могли непосредственно распространяться указанные переселенія.

Эти сходныя сооруженія на почвѣ Ирана заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія для уясненія характера и эпохи Факраки.

Среди нихъ, прежде всего, приходится выдѣлять въ особую группу три гробницы керманшахскаго округа Харсинъ у дер. Чемени-Исмаилъ (Morgan, IV, l. с. «Ди-ну»), къ которымъ О. Манн присоединилъ еще четвертую, лежащую по сосѣдству, у дер. Сурхкеде⁴. Въ сущности сходство ихъ съ типомъ Факраки ограничивается одной прямоугольностью формъ, но, конечно, важна наличность ихъ, какъ явленія культуры, независимо отъ формы. «Харсинскія» гробницы настолько малы, что размѣры ихъ характерны для способовъ возможнаго погребенія; ни колоннъ, ни стѣнъ у

¹ Впрочемъ въ полу прорублена прямоугольная «рамка», а уже внутри ея углублена указанная восьмерка (Morgan).

² Lehmann въ Jahrb. d. Archäol. Inst., 1905.

³ Lehmann, Armenien, 227. Здѣсь интересна единичность типа и назначенія Факраки, но вообще нельзя представлять себѣ ее въ полномъ разобщеніи съ халдскими постройками; объ этомъ см. въ концѣ статьи. Съ другой стороны нельзя забывать и изображеніе знаменитаго храма въ Мусасирѣ (см. выше); у него впрочемъ крошѣ колоннъ, расположенныхъ совершенно иначе, имѣется и фронтоны. Hirschfeld, 1885, стр. 32, считалъ, что этотъ типъ постройки — мѣстнаго происхожденія.

⁴ Archäologisches aus Persien, Globus, 1903, 327—31. Размѣры гробницы 131 × 82 × 112 стм.; входъ, какъ и у другихъ, въ формѣ вставленныхъ другъ въ друга прямоугольниковъ; гробница лежитъ на высотѣ 50 метр. надъ долиной Гамасаба (на лѣвомъ берегу), но достичь ея нетрудно. Три описанныя Морганомъ гробницы обращены именно къ дер. Чемени-Исмаилъ, а не къ Исакесиду, лежащему на восточной сторонѣ той же горы. На с. з. отъ послѣдней деревни внизъ по узкой долинѣ рѣчки О. Маннъ открылъ вытесанныя въ скалахъ отвѣсныя плоскости, какъ бы, приготовленные для подобныхъ же сооружений или вадисей. Еще ниже, у впаденія рѣчки въ Гамасабъ, находится Сурхкеде.

нихъ не имѣется; лежать онѣ на доступныхъ скалахъ; имѣющійся у одной изъ нихъ барельефъ мало-искусенъ и архаиченъ¹.

Гораздо болѣе высокую ступень развитія построекъ въ скалахъ представляютъ двѣ другія гробницы того же района, лежащія на историческомъ пути изъ Месопотаміи въ Иранъ и весьма подходящія къ типу Факраки².

Первую изъ нихъ въ 1840 г. открыла экспедиція Flandin-Coste около дер. Сахне (صحنة) между Кенгаверомъ и Керманшахомъ. Единственное и малозвѣстное описаніе ея заслуживаетъ быть приведеннымъ in extenso. «Погребальная пещера» расположена на вертикальной скалѣ на высотѣ 30 метровъ. «Внѣшняя часть ея состоитъ, какъ бы, изъ большой прямоугольной ниши, продѣланной въ скалѣ, въ которой были оставлены и вырублены 2 колонны, образовывавшія портикъ; отъ нихъ остались лишь базы. Внутреннее помѣщеніе раздѣлено на два отдѣленія или этажа: въ первомъ съ каждой стороны имѣется по продолговатому углубленію, на видъ похожему на саркофагъ. По серединѣ широкое отверстіе открываетъ проходъ въ еще болѣе просторную вторую пещеру. Всѣ эти находящіяся другъ надъ другомъ (? superposés) помѣщенія высѣчены въ цѣльной скалѣ безъ добавленія кладки (maçonnerie)»³.

Еще болѣе интересна гробница Дуккани-Давудъ, лежащая въ 40 мин. на югъ отъ Сэр-поля по правую руку отъ большой дороги въ Керманшахъ, гдѣ она проходитъ черезъ гряду, отдѣляющую древ. Хольванъ отъ современнаго округа Бешиве⁴. Въ рамѣ входа въ Дуккани-Давудъ видны

¹ См. у Моргана, открывшаго гробницы, въ IV, pl. XXXIII и у Herzfeld, о. с., 68.

² Ролинсонъ, двигаясь на югъ отъ Сэр-поля (Зохабъ) въ долину Гилянъ, у переправы черезъ р. Дире (Deira) — лѣвый притокъ р. Эльвендъ (древн. Хольванъ) — видѣлъ углубленіе (recess) въ скалѣ, называемое Отагы-Ферхадъ и, повидному, предназначавшееся быть внѣшней комнатой (outer chamber) гробницы, вродѣ Дуккани-Давудъ; см. JRGS, XI, 1889 и Ritter, IX, 480. По Чирикову, 292, гробница носитъ имя Так-и-Ферхадъ-кавъ (sic).

³ E. Flandin, Voyage en Perse, t. I, 1851, стр. 413; авторъ лишь отмѣчаетъ «поразительную аналогію» гробницы съ царскими могилами Персеполя. Расположеніе помѣщений напоминаетъ багидскія камеры, но у послѣднихъ нѣтъ ни колоннъ, ни портика, т. е. главнаго отличительнаго признака, интересующаго насъ. У Фландина не указано подробностей остатковъ базъ и не ясенъ способъ соединенія камеръ. Характерно отсутствіе лѣстницъ.

⁴ Д.-Давудъ описанъ Ролинсономъ (Ritter, IX, 475), Чириковымъ, 313 и, въ особенности, Flandin, Voyage, I, 462—3; детальный планъ Coste въ атласѣ того же путешествія IV, pl. 210—1 (окрестность изображена фантастически); внѣшній видъ см. у Morgan, IV, l. с. и Herzfeld, о. с., 61. Мнѣ, какъ, очевидно, и Херцфельду, не удалось подняться наверхъ, для чего нужны веревки. Поразительно искусство, съ которымъ на гладкую скалу карабаются дервиши изъ сосѣдняго кочевья, считающіе себя наследственными хранителями гробницы, окруженной почитаніемъ секты Али-аллахи (о роли Давуда ср. мои «Матер. для изуч. секты «Люди Истинны», I, 1911). Внизу скалы стоятъ длинныя стѣблы камыша, на которыхъ женщины, желающія потомства, завязываютъ узелки изъ трипоя. Тутъ же нѣскольکو разрушенныхъ мазанокъ и интересное кладбище кочевниковъ сенджаби съ почитаемыми деревьями и рельефами на надгробьяхъ (козлы, вооруженные ружьями люди,

остатки двухъ колоннъ, нижняя часть которыхъ (цоколь) имѣеть въ горизонтальномъ сѣченіи квадратную форму¹. За ними идетъ стѣна, имѣющая по серединѣ дверь, которая изъ передняго портика ведетъ въ сводчатое помѣщеніе; по лѣвую сторону послѣдняго имѣется высѣченный въ скалѣ (въ полу?) «саркофагъ». Кость не упоминаетъ о стѣнкѣ, отдѣляющей это простое углубленіе отъ остальнаго помѣщенія, но по Ролинсону она имѣеть 2 фута высоты, а Чирикову напомнила «закромъ».

При всемъ разнообразіи подробностей Факраки, Дуккани-Давуда и гробницы въ Сахне, всѣ эти три сооруженія западной Персіи поражаютъ своей тѣсной связью: въ нихъ тѣ же прямоугольныя формы входовъ; то же число колоннъ, вырубленныхъ изъ скалы и, какъ бы, поддерживающихъ потолокъ входа въ переднее помѣщеніе²; наконецъ, то же отсутствіе фронтона³, «обычнаго» въ Пафлагоніи и отмѣченнаго въ храмѣ Мусасира.

Если харьскія гробницы, вообще говоря, лишь умножаютъ примѣры погребенія въ скалахъ, то внутренняя близость трехъ остальныхъ «западныхъ» гробницъ, какъ бы, свидѣтельствуеетъ о ихъ одновременности, обь одномъ уровнѣ архитектурнаго искусства.

Несмотря на указанныя выше различія ихъ съ гробницами Фарса, можно отмѣтить общую связь всѣхъ описанныхъ персидскихъ сооружений въ смыслѣ традиціи, устойчивости обряда. Кромѣ того, стоило бы, напримѣръ, еще нѣсколько уменьшить площадку портика Дуккани-Давуда, и колонны его, ставъ по обѣ стороны двери, приобрѣли бы сходство со средней частью фасада царскихъ могилъ⁴. Сложность и богатство отдѣлки ахеменидскихъ сооружений по сравненію съ нашими строгими, скромными памятниками, конечно, неизгнѣримо, но естественно представить себѣ переходъ отъ простаго къ сложному, а не наоборотъ.

Странно видѣть, что на простомъ ствлѣ «западныхъ» гробницъ нисколько не отразилось влияніе всего множества украшеній, орнамента, характерныхъ деталей расцвѣта ахеменидскаго искусства въ Фарсѣ. Эти соо-

женщина, ведущая за руки двухъ дѣтей и т. д.); примѣчательнъ и орнаментъ крестиками. Неподалеку показываютъ волнистый бѣлый кусокъ мрамора Кере-и-бану («масло гопсионъ»); по преданію Давудъ обратилъ въ него жертвенное масло, часть котораго хотѣла утаить нѣкая женщина; Чириковъ, 346, говоритъ, что на камнѣ есть «гвоздеобразныя надписи»; это свѣдѣніе желательнѣе проверить, я ихъ не замѣтилъ.

¹ Разсмотрѣніе ихъ Herzfeld'омъ, о. с., 121, не даетъ матеріала для какихъ либо интересныхъ сопоставленій.

² У Дуккани-Давудъ площадка съ колоннами впереди стѣны очень невелика.

³ На фотографіи Моргана видно, что отвѣсу скалы надъ Факракой искусственно придана волнистая поверхность.

⁴ Правда, у послѣднихъ по 4 колонны, но, быть можетъ, слѣдуетъ напомнить, что и въ Факракѣ ихъ то же число (хотя и въ два ряда).

браженія заставляють помѣстить «западные» усыпальницы въ болѣе раннюю эпоху, всжели ахеменидскія гробницы Фарса, которымъ онѣ, быть можетъ, служили даже прообразомъ.

Выше говорилось о затрудненіяхъ при объясненіи сходства загросскихъ гробницъ съ малоазійскими. Между тѣмъ разъ мы допускаемъ подобную связь для Факраки, то должны найти объединяющее толкованіе и для сходныхъ съ ней памятниковъ. Весьма заманчиво предположеніе Херцфельда¹ о передаточной роли «мидійскаго искусства», которое должно было уже отразить западныя влиянія и подготовить совершенство древнѣйшихъ ахеменидскихъ сооружений (въ Пасаргадахъ). Если бы интересующія насъ гробницы могли быть отнесены къ мидійской культурѣ, то это объяснило бы связь гробницъ западной Персіи между собою. Конечно, отъ воротъ Загроса до Урмійскаго озера громадное разстояніе, но отъ Экбатаны-Хамадана удаленность Факраки и Дуккани-Давудъ почти одинаковая. Въ частности для Факраки можно напомнить и близость ея къ мидійской Дагіанса (см. выше)². Нельзя наконецъ забывать о крайне малой изслѣдованности центрального персидскаго Курдистана (на зап. отъ гор. Сенне: округа Авроманъ, Гаверудъ и др.); здѣсь еще могутъ найтись памятники, географически сближающіе Факраку съ Дуккани-Давудъ.

Факрака не имѣетъ никакихъ изображеній, но у Дуккани-Давудъ и у гробницъ Чемени-Исмаиль имѣется по одному рельефу. Ихъ, конечно, весьма желательно привлечь къ опредѣленію эпохи могилъ, но и тутъ результаты не оправдываютъ ожиданій.

Чрезвычайно досадная ошибка, оказавшаяся въ основѣ этнографической стороны изысканій Херцфельда³, показываетъ, какъ еще трудно полагаться на подобныя теоріи, но окончательная исправленная точка зрѣнія

¹ Klio, 1908, стр. 68; Felsreliefs, 184, 186 и Введеніе.

² Впрочемъ, новѣйшіе изслѣдователи несклонны включать въ Мидію бассейны Урмійскаго озера и Атропатену, см. Пражек, Gesch. d. Meder und Perser (въ Handbücher d. Alten Gesch.), 1906, I, 9. Недалеко лежитъ Факрака отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ теперь помѣщаются область Парсуа, сопоставляемую нѣкоторыми авторами съ именемъ персовъ, см. Б. А. Тураевъ, Исторія Др. Вост., II, 1913, стр. 152.

³ Онъ о. с., 62—3, исходилъ изъ предложенной впервые Андреасомъ классификаціи типовъ на ахеменидскихъ рельефахъ, причемъ перечисленіе ея начиналось съ мидійцевъ; между тѣмъ Dieulafoy еще въ 1885 г. открылъ подлинныя клинописныя надписи подъ 7 типами народовъ надъ могилою Дарія. Онѣ начинаются съ персовъ, и, такимъ образомъ, большая часть таблицы Херцфельда и множество основанныхъ на ней сопоставленій и разсужденій подлежатъ совершенно иному толкованію. Авторъ сдѣлалъ исправленія въ своемъ Nachtrag, стр. 251 и слѣд., но вся часть книги, писанная имъ, пострадала отъ этого множества поправокъ и измѣненій. Подробности см. Weissbach, Die Keilinsch. am Grabe des Darius, Abh. Sächs. Gesell. Wissensch., XXIX, стр. 31 и 44.

автора¹ заслуживаетъ все же вниманія, какъ первая подробная попытка этого рода².

«Рельефъ Кели-Давудъ, говоритъ онъ, — изображаетъ одежду, не похожую ни на одиѣ изъ извѣстныхъ намъ иранскихъ уборовъ и представляетъ сходство лишь съ эламскимъ царскимъ одѣяннѣмъ и съ эламской одеждой генія въ Пасаргадахъ. При этомъ на головѣ фигуры надѣтъ общепранскій башлыкъ (Baschlyk). Итакъ несомнѣнно, что памятникъ принадлежитъ уже ко времени, когда пранцы стали сосѣдями этихъ загросскихъ земель». Сравнивая изображеніе съ фигурами «аму-дарьинскаго клада» (The Treasure of Oxus, by O. M. Dalton, 1905), авторъ увѣренъ, что фигура Дуккани-Давудъ изображена на молитвѣ, при чемъ: «въ лѣвой рукѣ она держитъ связку палокъ или вѣтвей, имѣющихъ культовое значеніе, а въ правой, вѣроятно, плоскій сосудъ», что уже относится къ зороастрійскимъ обрядамъ. Такимъ образомъ «увеличивается вѣроятіе предположенія, что здѣсь изображенъ царь (Fürst) какого нибудь уже иранскаго племени въ одѣяннѣ загросскихъ народовъ³. Это кажется мнѣ возможнымъ лишь въ раннія мидійскія времена... приблизительно около 650 года. Факраку, какъ болѣе древній памятникъ, согласно этому, можно бы помѣстить около 700 г. до Р. X. Напротивъ, могила Исакевенда [читай: «Чемени-Исмаиль» В. М.] болѣе поздняя. Одежда изображенія-рельефа персидско-сузианска... Фигура изображена также на молитвѣ; два алтаря показываютъ, что культъ уже зороастрійскій. Маленькая фигура справа отъ алтарей можетъ быть магомъ, совершающимъ богослуженіе... Рѣшающимъ указаннѣмъ на эпоху является древній головной уборъ; онъ въ послѣдній разъ... представленъ на бисутунскомъ рельефѣ Дарія. Грубый стиль изображенія, такимъ образомъ, не есть провинциализмъ, а древность. Рельефъ и съ нимъ могила — безусловно новѣйшая изъ сѣверно-иранскихъ — относится ко времени не позднѣе Кира».

Нельзя и въ этихъ выводахъ не отмѣтить сомнительныхъ пунктовъ: прежде всего сравненіе съ эламской одеждой основано на недоконченности исполненія правой (передней) стороны одежды у фигуры Дуккани-Давудъ;

¹ Приложение, стр. 256.

² Ср. Perrot et Chipiez, V, 635, гдѣ одежда и «капюшонъ» фигуры Д.-Давудъ сопоставляется съ одеждой слуги съ опахаомъ на изображеннѣ аудіенціи Дарія (Персеполь), а головной уборъ сравнивается съ тѣмъ, который представленъ на дарейкахъ князей Фарса, ставшихъ самостоятельными въ эпоху селевкидовъ (фигура *ibid.*, 638). Оба сближенія не оправдываются ближайшимъ рассмотрѣннѣмъ. Барельефъ Д.-Давудъ у Perrot воспроизведенъ очень неточно.

³ Ранѣе въ 1908 г. (Klio) Херцфельдъ утверждалъ: es ist ein Herrscher von Halvân dargestellt, dem das Grab gehörte.

намѣреніе высѣчь здѣсь эламскую бахрону лишь гипотеза¹. Странно смѣшеніе эламскаго костюма съ «обще-иранскимъ (?) башлыкомъ»; послѣдній надѣтъ совершенно особымъ образомъ, выступая зубцомъ впередъ надъ лбомъ, а не прилегая ко лбу, какъ на ахеменидскихъ изображеніяхъ². Наоборотъ, содержимое лѣвой руки, повидимому, разгадано удачно³. Въ этомъ случаѣ становится, однако, сомнительной хронологія Херцфельда, разъ ее придется сопоставить, напримѣръ, съ мнѣніемъ Прашека (о. с., I, 204) и др., относящихъ начало проповѣди Заратуштры лишь къ 559 г. до Р. X.

Что касается до харсинскаго рельефа, то широкіе рукава костюма, какъ будто, совпадаютъ съ изображенными на рельефахъ персидской гвардіи и въ серіи народовъ, поддерживающихъ тронъ Дарія (Pārsa, Uvādja); на имѣющихся фотографіяхъ (Morgan, O. Mann) не видно, однако, ни искусно высѣченныхъ складокъ, ни характернаго подхвата подоткнутой полы платья, извѣстныхъ намъ по Фарсу. Уборъ волосъ и бороды схожъ съ мидійскимъ, какъ онъ изображенъ въ группѣ народностей, поддерживающихъ тронъ Дарія, и у мидійскаго бунтовщика на Бистунскомъ рельефѣ⁴.

Невозможно, однако, всѣмъ этимъ шаткимъ и сбивчивымъ соображеніямъ о древней этнографіи придавать такое значеніе, чтобы на основаніи ихъ относить харсинскія гробницы къ болѣе позднему времени, вопреки всему ихъ внѣшнему виду и примитивности исполненія рельефа. Быть можетъ, изслѣдованія у древн. Холвана и въ Хамаданѣ, производящіяся въ послѣдніе годы отдѣльными партіями французской Délégation en Perse, найдутъ болѣе прочные мѣстные матеріалы для сопоставленій.

Пока же казалось бы возможнымъ ограничиться слѣдующими положеніями: гробницы въ скалахъ западнаго Ирана старше царскихъ усыпальницъ Фарса; ихъ можно дѣлить на два разряда, изъ которыхъ второй

¹ И у подола изображенія не видно бахромы, указанной на одеждѣ Теуммана и на важной копіи пасаргадскаго генія у Кер-Портгера.

² См. фигуру съ опахаломъ сзади царя на изображеніи аудіенціи въ Персеполиѣ, башлыки согдговъ и харезмійцевъ и т. д.

³ Ср. замѣчаніе Flandin, Voyage, I, 462, который не разъ видалъ подобный «неопредѣлимый» предметъ, «не похожій ни на мечъ, ни на палцу, ни на скипетръ»; онъ считалъ его предметомъ зороастрійскаго культа.

⁴ Ср. табл. XXXV атласа Sarre-Hertzfeld, четвертая фигура вправо отъ царя (считая и поверженнаго Гаумату). Благодаря любезности акад. Н. Я. Марра я уже послѣ набора статьи могъ просмотрѣть [King and Thompson], The sculptures and inscription of Behistun, 1907, (изд. British Museum). На табл. XV дано изображеніе мидійца Фравартиша; прическою и бородой онъ, дѣйствительно, напоминаетъ харсинское изображеніе, но на волосахъ я не разсмотрѣлъ никакого головного убора; платье Фравартиша доходитъ до коленъ и гладко облегаетъ тѣло. Мнѣ кажется теперь, что и харсинская фигура изображена съ непокрытыми ничѣмъ волосами.

(Факрака, могила Сахне и Дуккани-Давудъ), какъ представляющей значительно болѣе высокую ступень развитія, надо считать и болѣе позднимъ, нежели харснскія гробницы. Дальнѣйшее изслѣдованіе причинъ сходства Факраки и т. д. съ такими же малоазіатскими сооружеіями не входитъ въ нашу задачу.

5. Съ юга въ Урмійское озеро впадаютъ три выше упомянутыхъ рѣки, текущихъ на сѣверъ; съ ю. з. впадаетъ рѣка Гадырь, начинающаяся въ глубинѣ пограничныхъ горъ около Келяшина и сбѣгающая оттуда въ восточномъ направленіи черезъ округа Ушну и Сулдузъ. На югъ отъ бассейна Гадыра лежатъ истоки Малаго Заба, который возникаетъ въ округѣ Ляхиджанъ, затѣмъ протекаетъ на югъ по лѣсистымъ участкамъ Сердешта и, наконецъ, поворачивается на западъ, чтобы прорваться черезъ пограничную цѣпь (Кандиль) и выйти на низкія долины (Пиждеръ, Мерге) турецкой стороны.

Морганъ (IV, 283) отмѣтилъ громадное число искусственныхъ холмовъ (теллъ) въ долинахъ Гадыра и верхняго Кялу (М. Забъ): въ округѣ Ушну у него указано 22 такихъ пункта; въ Сулдузѣ лишь вблизи Гадыра—7; въ Ляхиджанѣ (выше дер. Бадианава)—24¹, но, конечно, это далеко не исчерпываетъ всего множества подобныхъ насыпей², дающихъ яркую картину заселенности этихъ районовъ въ древности.

По преданію, старый городъ лежалъ у нынѣшней деревни Кохне — Ляджанъ³, къ ю. ю. в. отъ перевала Гарушипка (см. выше). Мѣстность эта, повидимому, еще не посѣщалась учеными путешественниками⁴.

Что касается упомянутыхъ кургановъ, то теоретически ихъ возможно было бы раздѣлить на насыпные земляные холмы и на пепельные холмы, возникшіе изъ остатковъ поселеній, жертвенниковъ и, быть можетъ, тризнь, справлявшихся надъ могилами, находимыми въ глубинѣ тѣхъ же кургановъ. На практикѣ, конечно, оба типа смѣшиваются и, какъ справедливо замѣтилъ A. V. W. Jackson, пепельные холмы, называемые въ

¹ De Morgan, Carte de la partie centrale du Kurdistan, 1:250000, Miss. scient. en Perse, P. 1895. Въ этомъ же атласѣ карты Элама и южн. берега Каспійскаго моря.

² Мѣстные жители считаютъ, что всѣхъ кургановъ кругомъ урмійскаго озера — 64 (Jackson).

³ Теперь Ляхиджаномъ (по курд. Ляджанъ, Леджанъ) называется преимущественно округъ верховой Кялу; онъ раздѣляется на Старый Л. (на западѣ; заселенъ племенемъ пирани) и Новый Л. (на востокѣ; заселенъ племенемъ мамашъ; главный пунктъ—Пасве, упомянутый у Якута). Въ *شرف نامه* округъ названъ *لارجان*. То же имя носилъ городъ въ Гилянѣ (нынѣ Ляхиджанъ); на Араксѣ ниже Ходаферина есть также селеніе Ларджавъ и т. д. О происхожденіи *لارجان* изъ стараго *لارجان* см. Darjesteter, *Etudes iran.*, I, 73.

⁴ Hoffmann, *Auszüge*, 246, показавъ, что прежнес предположеніе (Rawlin.) о существованіи города Ляхика вызывалось ошибочнымъ чтеніемъ сирійскаго текста. Онъ считаетъ, о. с., 243, что нынѣшній округъ Ляхиджанъ соответствуетъ арабскому *سلتق*, во времена завоеванія Персін находившемуся въ рукахъ семейства Ауди; второй Салак-аль-хамдани онъ помѣщаетъ въ нынѣшній Ревандузскій округъ Балакъ. Самое названіе Салакъ существовало гораздо раньше (Silices).

Азербайджанъ «коль-тепе», содержать и «глину, смѣшавшуюся съ пепломъ и насыщенную органическими солями»; этимъ объясняется быстрое разрушеніе подобныхъ кургановъ, разбираемыхъ на удобрение.

Среди кургановъ урмійскаго района, независимо отъ ихъ внутренняго состава, возможно выдѣлить въ особую группу тѣ тели, которые имѣютъ несомнѣнно стратегическое назначеніе.

Таковъ прежде всего упоминавшійся многократно холмъ дер. Синганъ¹, вмѣстѣ съ другими сосѣдними (у дер. Шейханъ и т. д.), запиравшій спускъ съ перевала Келяшинъ въ долину Ушну. Параллельно ему, въ Ляхиджанъ можно указать Шинава-тепе и Мутава-тепе, изъ которыхъ первый стоитъ у выхода съ перевала Гарушинка (Зиве-Шейхъ) черезъ дер. Хане, а второй оберегаетъ спускъ съ того же перевала по боковой долинкѣ, идущей на ю. в.² Оба эти холма еще въ весьма недавнее время укрѣплялись персами. Таковы же курганы деревень Пасве и Нагаде³, стоящіе по обѣ стороны перевала Бавз-ова, соединяющаго Ляхиджанъ съ Сулдузомъ. Къ сѣверу отъ Ушну въ урмійскомъ округѣ Мергерверъ высокій тель дер. Зейве (Зѣва) командуетъ надъ выходомъ дорогъ изъ турецкаго Шемдинана (черезъ перевалъ⁴ Зину). Холмы эти свидѣтельствуютъ о значеніи въ древнія времена соответственныхъ дорогъ, сохранившихъ донинѣ свою важность⁵. Если развить извѣстное утверженіе Ролинсона о томъ, что древніе памятники лежатъ обычно на большихъ дорогахъ, то можно предполагать, что въ Шемдинанѣ и Балакѣ — пока еще совершенно неизслѣдованныхъ — могутъ оказаться интересные слѣды древности: роль идущихъ черезъ нихъ дорогъ подчеркнута упомянутыми холмами.

Что касается вообще такъ наз. «пепельныхъ» холмовъ, то, кромѣ подвергавшихся еще раскопкамъ кургановъ по рр. Малый Забъ и Гадырь, множество ихъ находится и далѣе къ сѣверу: въ долинкѣ города Урміи, на сѣверномъ берегу озера (напр. Кара-тепе на с. з. и Гяур-тепе⁶ на с. в.) и,

¹ Ролинсонъ (выше стр. 172, прим. 2), называя его Сирганъ, отождествляя его съ Saragana (Տիրգանախորմ) и Sincar классическихъ писателей. Hoffmann, 249, идя еще далѣе, сопоставляя его и съ др.-армян. Нор-шираканъ. Противъ этого не возражаетъ, видимо, и Marquart, Eranšahr, 23.

² См. Іясъ, цит. работа: долина Кани-Хоризанъ.

³ Главный пунктъ округа Сулдузъ (по курд. Сундусъ); его холмъ поражаетъ своими размерами.

⁴ Перевалъ Мергервера, носящій знаменательное названіе Келяшинъ (№ 3), приходится, однако, южнѣе этого мѣста.

⁵ Цѣлая линия такихъ холмовъ тянется на югѣ турецко-персидской границы вдоль пограничныхъ горъ Хамринъ (персидскій Поште-Кухъ и т. д.); таковы: Кара-тепе (къ ю. отъ Багсан), Тепе-Турсакъ на двоименной рѣкѣ; Чичеканъ (Ду-чиганъ?) къ сѣв. отъ Мендели и т. д.

⁶ К.-Porter, II, 606: въ часѣ разстоянія отъ Дизе-Халиль и въ 5 миляхъ къ ю. отъ дер. Кумла.

уже за предѣлами интересующаго насъ района, около города Мараида (громадный, сильно разрытый тель).

Наибольшее вниманіе до сихъ поръ привлекали холмы урмійскіе, давно уже заинтересовавшіе просвѣщенныхъ американскихъ миссіонеровъ. Помимо предметовъ, собранныхъ ими въ небольшомъ музеѣ миссія, нѣкоторые результаты дали бѣглыя раскопки германской экспедиціи 1898 г. и американскаго ираниста проф. A. V. W. Jackson, сообщившаго наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ урмійскихъ курганахъ¹.

Изъ нихъ самый большой лежитъ въ 2½ верстахъ на востокъ отъ Урміи около несторіавской деревни Дигаля. Въ немъ находятъ цѣлые сосуды: круглые, съ двумя ручками и рыльцемъ, фигуры изъ терракотты и т. д. Среди керамики заслуживаютъ особаго интереса раскрашенный черепокъ в такой же сосудъ, изданный Вирховымъ въ краскахъ (на таблицѣ №№ 4 и 5). Основной тонъ черепка желто-сѣрый, а на немъ видны параллельные прямые углы красныхъ линий, бордюръ между которыми заштрихованъ чернымъ. Сосудъ расписанъ еще богаче; снаружи онъ покрытъ желто-красной краской, а по ней выведенъ темно-красный рисунокъ въ 4 ряда: на верху идутъ двѣ линіи маленькихъ треугольныхъ зубцовъ, сложенныхъ основаніями; ниже расположены косые кресты; далѣе двѣ подковы-брови, не вполне горизонтальныя, а подъ каждой изъ нихъ по типичному рыбьему хвосту, обращенному раструбомъ вверхъ; между «хвостами» стилизованное дерево. Вирховъ эту раскраску считалъ доказательствомъ того, что керамика принадлежитъ не первобытному, а достаточно развитому народу, и дѣлалъ сопоставленія съ нѣкоторыми находками въ Калакентѣ и на сѣв. Кавказѣ². Съ своей стороны могу отмѣтить нѣкоторыя совпаденія съ керамикой сузіанской, главнымъ образомъ въ техникѣ штриховки, какъ бы рѣшеткой, покрывающей промежутки между основными линіями³.

Болѣе разнообразны, чѣмъ въ Дигалѣ, находки въ Гой-тепе въ 6½ верстахъ на ю. в. отъ Урміи⁴. Въ 1888 г. здѣсь была открыта подземная

¹ Объ этихъ курганахъ см. Zeitschr. f. Ethnologie, XXX, 1898, стр. 522 и слѣд.—письмо Леманна и Белька о произведенныхъ раскопкахъ, XXXII, 1900, 609—12, R. Virchow Fundstücke aus Grabhügeln bei Urmia — описаніе предметовъ (керамики) изъ Урміи съ 5 рисунками; Jackson, Persia Past and Present, N. Y., 1906, 90—8; Lehmann, Armenien etc., 276 и слѣд.—отчасти повтореніе письма 1898 г. О статьѣ англійскаго консула Abbott не сохранилось точныхъ указаній.

² Онъ ссылается на работу графа П. А. Уваровой, но при бѣгломъ просмотрѣ указаннаго VIII т. Матер. по арх. Кавказа (1910) я не нашелъ матеріала для сравненій.

³ Ср. прекрасное изданіе Pottinger, Céram. peinte de Suse, 1912, въ Mémoires de la Délég. en Perse, pl. XIII. У меня имѣется вывезенный мною изъ Сузы небольшой горшечекъ сплошь расписанный подобными рѣшетками.

⁴ Всего около Урміи извѣстно около дюжины кургановъ: Термани, Ахмедъ (Ahmat, Сараланъ, Дизе-теке и т. д. (Jackson).

камера из камня, а въ ней большой цилиндръ (11 сант. въ вышину) съ рельефными изображеніями боговъ вавилонскаго пантеона: Шамашъ (или Гильгамешъ?), Эбани и т. д.¹ Среди другихъ вещей отиѣчались тяжелыя

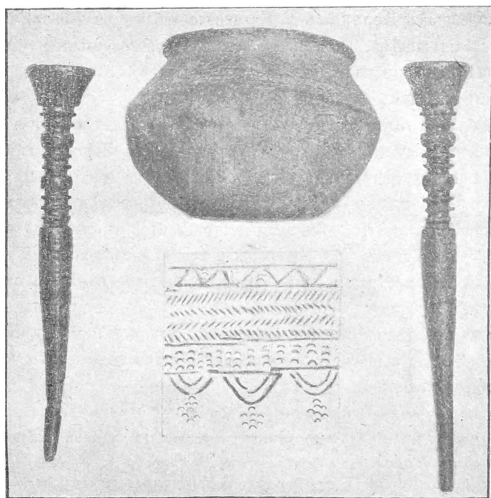

Рис. 2. Булавки и горшечекъ изъ Урмин.

($\frac{1}{3}$ — $2\frac{1}{2}$ клгр.) (ножны?) бронзовыя кольца въ формѣ подковы, бронзовыя булавки съ головой оленя, находимыя обычно внутри череповъ (талисманы?)², золотыя вещицы и слѣды асбеста, вѣроятно, мѣстнаго происхо-

¹ Ср. Jackson, о. с. Цилиндръ хранится въ Metropolitan Museum of Art., N. Y. и описанъ впервые W. H. Ward'омъ въ American Journal of Archaeology, VI, 1890, 286—91). Новое толкованіе см. у Lehmann, Material. z. älter. Geschichte Armeniens, 1907, стр. 8—12 и Armenien, 277; по словамъ его, цилиндръ найденъ въ колодецѣ при постройкѣ церкви; онъ лишь подражаніе вавилонскому типу и, вѣроятно, принадлежалъ какому-нибудь князю гурьевъ или лулубеевъ около 2000 г. до Р. X., въ склепѣ котораго онъ и находился. W. H. Ward же переиздалъ эту, какъ онъ выражается, «пиксиду» въ своей книгѣ The seal cylinders of Western Asia. Washington. 1910, p. 92, fig. 269.

² Изображеніе этого изящнаго предмета у Lehmann, Armenien, 279. Я. И. Смирновъ любезно указалъ мнѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ двѣ массивныя, тяжелыя бронзовыя булавки изъ Урмин, въ формѣ гвоздей съ гладкими шляпками.

[По сообщенію Я. И. Смирнова, вещи эти (см. рис. 2), значащіяся по инвентарю отдѣла Древностей подъ №№ 14559 (булавки) и 14560 (горшечекъ), приобретены въ 1906 г., какъ найденныя въ Урмин. Двѣ массивныхъ литыхъ бронзовыхъ булавки длиною въ 12,45

ждения (Хой, Салмасть). Весь холмъ Гбй-тепе представляетъ собою огромное кладбище съ гробами въ видѣ каменныхъ ящичковъ (Steinkistengräber) въ нѣсколько ярусовъ. Верхніе слои по Леманну сходны съ обычными мусульманскими кладбищами, но на 6—8 метр. ниже обнаружены могилы, вродѣ найденныхъ Белькомъ у Калакевда (вблизи оз. Гокчи); еще ниже пропали слѣды желѣза. Объясняя послѣднее обстоятельство случайными причинами¹, вѣмецкіе изслѣдователи приписывали (1898), однако, эти могилы доисторическимъ маньямъ (sic)².

6. Обиліе слѣдовъ древнихъ поселеній въ Ляхиджанѣ исчезаетъ по мѣрѣ входа р. Кялу въ лѣсистые округа Сердешта. Здѣсь на картѣ Моргана отмѣченъ лишь одинъ пунктъ³: Рабатъ (на лѣв. берегу противъ Сердешта). Однако, надо думать, что лишь покрывающія мѣстность деревья мѣшаютъ открыть здѣсь многое, что таится въ этихъ дикихъ и малоизвѣстныхъ округахъ. Это подтверждается и наблюдениями W. V. Nargis'a⁴, который проѣздомъ изъ Сердешта въ Бане отмѣтилъ около дер. Siama (читай: Сіама въ окр. Деште-талъ) «интересные курганы (mounds)» и приобрѣлъ у жителей разныя древности: «монеты, печати и цилиндры». Можно отмѣтить и вышеуказанное названіе мѣстности *Келешинъ* у перевала между Бане и Саккызомъ⁵.

7. Въ томъ же бассейнѣ Мал. Заба въ округѣ Нов. Ляхиджанъ остается отмѣтить еще одну достопримѣчательность: камень Кели-сипанъ⁶,

---

и 13,55 стм. имѣютъ гладкія круглыя горизонтальныя поверхности на головкахъ, а ниже ряды глубокихъ перехватовъ на шейкахъ и украшены по верхнимъ частямъ конической нижней части ихъ тождественнымъ по системѣ узоромъ, часть котораго воспроизведена на рис. 2 въ натуральную величину по рисунку Н. Е. Макаренка; узоры эти довольно грубо исполнены рѣзцомъ (прямыя линіи и большія двойныя дуги обращеныя вершинами внизъ) и набивкою пунсономъ или остриемъ небольшой полукруглой, стальной очевидно, стамески. Горшечекъ красной глины, лѣпленный хотя и на гончарномъ кругѣ, но не особенно правильно, особенно въ нижней части, лишьвѣ какихъ бы то ни было украшеній. Высота его достигаетъ 6 стм., наибольшій діаметръ 8,5 стм. Въ томъ же инвентарѣ подъ № 15577 значатся стеклянная вазочка и буса, приобретенныя въ 1906 г., отъ ... (другого лица) въ Урмію же, рисунка которыхъ представить здѣсь мы не можемъ. Ред.]

¹ Вирховъ, I. с. указывалъ на особую важность пополнить урійскія находки разскаліемъ именно желѣзныхъ предметовъ.

² Ср. впрочемъ позднѣйшія (1907, 1910) предположенія Лемана о древнѣйшихъ гутяхъ, къ области которыхъ онъ относитъ и южный Азербайджанъ.

³ Точно также въ центральной части Соуч-булахскаго губернаторства отмѣченъ лишь одинъ пунктъ Гольга-тепе. Продолговатый холмъ этой деревни, по моему измѣренію, имѣетъ въ длину 150 шаговъ.

⁴ A journey in Persian Kurdistan, Geogr. Journ., IV, 1895, 453—60 и Wanderings in Pers. Kurd., Blackwood Magaz., 1895, 736—53; имъ же издана затѣмъ и отдѣльная книга съ описаніемъ путешествія.

⁵ Въ Саккызѣ также имѣется высокой тель.

⁶ Съ легкой руки Ролинсона, всѣ путешественники толковали это названіе, какъ «бѣлый столбъ». Но Сипанъ (съ отчетливымъ удареніемъ на и) никакъ нельзя произвести

стоящий недалеко отъ одноименной деревни почти у пересѣченія дорогъ, идущихъ: 1) отъ Соуч-булаха черезъ перевалъ Мейданъ въ Старый Ляхиджанъ и 2) изъ Сулдуза черезъ Пасве въ районъ лѣваго берега р. Кялу (округа Наалейнъ и т. д.). Камень находится ближе къ первому изъ этихъ путей противъ скалы Паласау¹ (отрогъ горъ Шазуказъ). Никакихъ подковообразныхъ знаковъ (Ролинсонъ) и круговъ (Чириковъ, 460—1) на памятникѣ теперь не видно². Неправильная его форма (см. рис. 3) и невысокій матеріалъ (тонкая плита «сѣраго мелкозернистаго гранита») указываютъ на его меньшее значеніе по сравненію съ другими стелами. Основаніе Келиспанъ замощено булыжниками, образующими плотный кругъ; здѣсь не можетъ быть могилы, такъ какъ плита, несомнѣнно, глубоко уходитъ въ землю. Курды передавали Чирикову, что «не могли докопаться до основанія». Ханыковъ предполагаетъ, что «это просто межевой знакъ, разграничивающій поля одного поколѣнія Мамышъ отъ другого, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ мѣстахъ Ляхиджана попадаются еще нѣсколько такихъ же плитъ, имѣющихъ то же назначеніе»³. Последнее, видимо, относится ко второму Келиспанъ, который Ролинсонъ видѣлъ около деревни Легбинъ: онъ былъ меньшихъ размѣровъ, безъ надписи и поваленъ на землю; повидимому, никто не выдалъ его съ тѣхъ поръ.

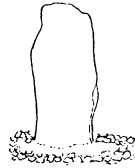

Рис. 3. Келиспанъ.

Особенность Келиспанана та, что онъ стоитъ внизу въ долинѣ, въ противоположность разнаго рода знакамъ, находимымъ на перевалахъ и вершинахъ горъ⁴.

отъ курдскаго *сли* (бѣлыи). Сипанъ заставляетъ вспомнить ванскую гору этого имени и курдское (прежде езидійское) племя сипкая около Баязидъ, ср. А. Jaba, Notices et récits kourdes, 1860, стр. 1. Для сравненія можно указать скалу Берде-*смылзъ* («бѣлые камни»), находящуюся по сосѣдству съ памятникомъ. У Чирикова описки: К.-Сипанъ; Хуршид-эфенди исправилъ непонятное *сму* «Сипанъ» въ «спіанъ» (стр. 252).

¹ Ролинсонъ, I, с. 31, сомнѣвается въ существованіи на ней искусственныхъ гротовъ, о которыхъ ходили слухи; однако, по словамъ его, на скалѣ должны быть развалины обширнаго укрѣпленія съ «нѣсколькими цистернами, выдолбленными въ камнѣ для снабженія гарнизона водой».

² Чириковъ пытался разглядѣть даже головной уборъ сасанидскихъ царей. «Внизу, говоритъ онъ, видна легкая насѣчка, какъ будто мѣсто для надписи». Весьма возможно, что для осмотра К.-сипанъ важно должное освѣщеніе; я же его осматривалъ передъ закатомъ.

³ «Поѣздка въ Перс. Курд., «Кавказъ» 1852, № 22. Надо замѣтить, что Ханыковъ имѣетъ въ виду лишь границу родовъ: я въ 1852 г., какъ и теперь, Лигбинъ, Пасве, Келиспанъ и находящаяся по другую его сторону дер. Кара-хыдыръ принадлежали *одинаково* племенію мамашъ. Ср. Хуршид-эфенди, стр. 252.

⁴ Я. И. Смирновъ любезно показалъ мнѣ коллекцію фотографій съ «вишаповъ», найденныхъ Гарвійской экспедиціей Классическаго Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общ. на Эриванскихъ горахъ. Я не могъ найти сходства съ ними Келиспанана. Последній пред-

8. Чрезвычайно интересны сохранившіяся въ западномъ Азербайджанѣ камеры въ скалахъ, на которыя до сихъ поръ обращали мало вниманія, между тѣмъ какъ онѣ представляютъ фактъ культуры, интересный въ особенности въ связи съ вопросомъ о распространеніи вліянія халдовъ.

а. Южная изъ видѣнныхъ мною въ 1911 г. камеръ¹ лежитъ на рѣкѣ Барандузъ, стекающей изъ Мергевера въ Урмійское озеро, между деревнями Нерги и Шабанъ (часа 2 пути выше послѣдней изъ нихъ). Она рас-

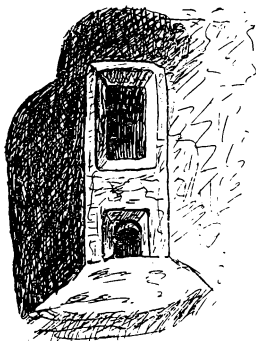

Рис. 4. Входъ въ комнаты Ферхад-дашы.

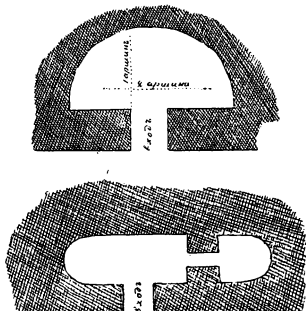

Рис. 5. Комнаты Ферхад-дашы.

положена въ ущельѣ довольно высоко на лѣвомъ скалистомъ берегу рѣки, и добраться до нея можно, лишь зайдя ей въ тылъ и затѣмъ спрыгнувъ слѣва на площадку передъ пещерой. Видъ и планъ ея изображены на рис. 4 и 5.

Обращаютъ вниманіе ея квадратные входы, какъ бы, въ видѣ вставленныхъ одна въ другую рамокъ. Лишь у нижняго помѣщенія внутренняя часть входа выдолблена аркой. Верхняя часть грота не сообщается съ нижней.

б. Рѣка Назлу-чай, вытекая изъ западныхъ пограничныхъ округовъ

ставляетъ собою довольно тонкую плиту; у него нѣтъ (теперь, по крайней мѣрѣ) тѣхъ интересныхъ намековъ на связь съ водою, которые отличаютъ «вшипаповъ»; самое положеніе его въ сторонѣ отъ родниковъ, начинающихся на перев. Мейданъ, также не сходится съ Гехамскими древностями. Равнымъ образомъ, врядъ ли пригодится для нашего памятника злоупотреблять и предположеніями о «фаллической» символизаци.

¹ У мусульманъ она известна подъ стереотипнымъ названіемъ Ферхад-каласы. При поискахъ подобныхъ камеръ путешественникамъ удобно именно ссылкою на легенду Ферхада разъяснять населенію, что именно требуется. Ср. Blau, Vom Urmia-See nach dem Vansee, Peterm. Mit., 1863, 201—10: къ югу отъ Хосровы (Салмасть) армяне показывали Ферхад-тапу (капу?)—очевидно, развалины Зенджир-кала, открытыя Кер-Портеромъ.

(Сомай, Бажерге, Дейри), прежде чѣмъ выйти на Урмійскую долину про-
рывается черезъ стѣну горъ (Менджельсеръ и т. д.). На восточной сторонѣ

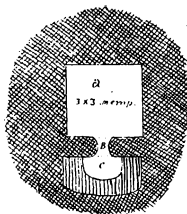

Рис. 6. Комната Исмаил-ага
каласи. а. комната; с. бассейнъ.

этой тѣснины стоятъ крѣпостна Исмаил-ага,
названная въ честь построившаго ее предво-
дителя аширета шеккакъ¹. По близости крѣ-
пости на пологомъ откосѣ скалы вырублена
квадратная комната $3\frac{1}{2} \times 3\frac{1}{2}$ шага и высотой
выше сажени. Въ серединѣ стѣнъ имѣются
3 глубокия ниши (по перс. «такче») 1×1 арш.
Входъ смотритъ на сѣверъ; у него видно
отверстіе для крючка, на который вѣшалась
петля двери (?). Немного выше по скалѣ рас-
положена вторая камера около $4\frac{1}{2} \times 4\frac{1}{2}$ арш. и
высотой $2\frac{1}{2}$ арш.; передъ входомъ вмѣсто площадки имѣется открытый
небольшой бассейнъ, быть можетъ, для дождевой воды (рис. 6).

в. Сходныя сооруженія открылъ Кер-Портеръ (1819 г.) въ Салмасѣ
около деревни Тэмэръ (Тамар). Развалины находятся къ западу отъ нея на
отдѣльномъ крутомъ холмѣ Зенджиръ-кала (до 400 фут. высоты). Кер-
Портеръ, поднимаясь съ сѣверной стороны, на $\frac{3}{4}$ (three parts) высоты
нашелъ искусственную площадку (70—80 футъ)² изъ большихъ грубыхъ,
но отлично пригнанныхъ камней, причѣмъ помостъ этотъ въ нѣкоторыхъ
мѣстахъ достигалъ 10 футъ въ вышину. Отъ площадки поднимаются раз-
рушившіяся ступени къ высѣченной въ скалѣ камерѣ, имѣющей сводъ (ar-
ched). Ея размѣры 8×10 футъ и 6 футъ въ высоту. Входъ (3×4 фута)
обращенъ на востокъ. Нишъ никакихъ не имѣется. Отъ грота вверхъ вто-
рая лѣстница ведетъ на вершину холма, гдѣ оказался квадратный высѣчен-
ный въ камнѣ резервуаръ съ поднятыми при помощи кладки краями. Отъ
него дорога идетъ на с. з., по вершинѣ гряды, причѣмъ у ея юго-восточнаго
отвѣтвленія въ скалѣ продѣлано узкое отверстіе (ходъ? opening), находя-
щееся надъ самой высокой и крутой частью горы³. «Этотъ необычайный

¹ Внизу около нея находятся часовенки-гробницы шеккакскихъ предводителей. На мраморной доскѣ строителя крѣпости изображено: اطررحر اسمعیل اقا ابن میرزا اقا سنه ۱۲۳۱ т. е. онъ умеръ въ 1816 г. См. Ghilan (=A. Nicola), Les Kurdes persans et l'invasion ottomane, Rev. du monde musul. 1908, mai (1—22), octobre (193—210)—изложение сбивчивое и съ чужихъ словъ; моя работа «Свѣд. о насел. нѣкот. погранич. округовъ» издана Мин. Ин. Дѣлъ въ 1915 г.—о шеккакахъ стр. 474—7.

² Its expanse might be 70—80 feet, т. е. очевидно линейное протяженіе, иначе она бы не была extensive platform. Ritter переводитъ: 70—80 im Quadrat. Текстъ Кер-Портера вообще нѣсколько неясенъ.

³ Въ халдскихъ постройкахъ встрѣчаются лѣстницы необъяснима назначенія въ мѣстахъ, откуда открывается широкій видъ на окрестность. Предполагаютъ, что онѣ, какъ

наблюдательный пункт, лежащий въ неприступномъ мѣстѣ почти въ облакахъ, запирался дверью; ясно видны большое отверстіе ея громаднаго стержня и два другихъ по сторонамъ скалы—для перекладкины. Такъ какъ нижняя камера густо закопчена дымомъ, то Кер-Портеръ предполагалъ, что въ ней помѣщался вѣчный огонь, публичное поклоненіе которому совершалось на помостѣ. Что касается двери, то, отвергая возможность нахождения здѣсь построекъ или крѣпости, онъ не уясняетъ себѣ ея назначенія и высказываетъ предположеніе, что этотъ высокій пунктъ могъ предназначаться для поклоненія солнцу¹.

Леманн² подчеркиваетъ въ данныхъ Кер-Портера: недоступность скалы, наличие камеры, лѣстницъ и «киклопическихъ стѣнъ (Gemäuer)» и считаетъ, что на Зенджир-кала находился халдскій фортъ; отверстіе же въ скалѣ для цѣлей наблюденія, по его словамъ, имѣется и въ самомъ западномъ изъ урартскихъ сооружений — крѣпости Изоли³. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что самъ Кер-Портеръ опредѣленно отвергаетъ мысль объ укрѣпленіи и говоритъ не о *стѣнахъ*, а лишь о *face of the constructed mass*, т. е., очевидно, о поверхности фундамента площадки. Слѣдовательно, допуская халдское происхожденіе сооружений, нельзя еще считать ихъ за укрѣпленія, въ особенности до дальнѣйшей проверки этого на мѣстѣ.

г. Для полноты перечисленія⁴ слѣдуетъ упомянуть и макинскую выстѣ-

бы, посвящены были богамъ, которые должны были восходить по ямѣ. Ср. Lehmann, Jahrbuch. d. Arch. Inst., 1905.

¹ K. Porter, Travels, II, 1882, стр. 60; ср. Ritter, IX, 990. Съ тѣхъ поръ скала, видимо, никѣмъ не посѣщалась. По близости той же дер. Тэмэръ Кер-Портеръ открылъ и извѣстный сасанидскій рельефъ на горѣ Пир-чаушъ (Суретъ дагы; на русск. картѣ: «памятникъ Алекс. Макед.»!); онъ считалъ, что фигуры изображаютъ Галерія, Тиридата и Нарсе, но теперь принято другое объясненіе, а именно, что скульптура представляетъ перваго сасанида Ардашира Папакана и его сына Шапура, принимающихъ покорность армянамъ около 230 г. по Р. X. На это не возражаютъ иранисты Jackson и изсѣдователь искусства сасанидовъ Sargе, Iran. Felsrel., 246. О рельефѣ см. Ker-Porter, *ibid.*; Flaudin et Coste; IV, pl. 204—6; Texier, Descr. de l'Arm., I, p. 40; всѣ эти рисунки не даютъ впечатлѣнія подлинника; фотографія Jackson, о. с., 79., захватываетъ не всю правую сторону изображенія. Въ виду этого, на табл. VII дается фотографія этого памятника, любезно предоставленная мнѣ В. И. Будиловичемъ, бывшимъ управляющимъ русскаго банка въ Тавризѣ; она снята въ 1905 г.

² Arm. einst u. jetzt, 535.

³ Отверстія—окна имѣются и въ пещерахъ Керето.

⁴ Подъ сомнѣніемъ остается знаменитая скала Гюверчин-кала, поднимающаяся вблизи Садмаса изъ водъ Урмійскаго озера. Ker Porter, II, 593—4, упоминаетъ вырубленный въ скалѣ узкій ходъ, глубокой колодезь, широкія и глубокія квадратная углубленія въ скалѣ (для хлѣба и припасовъ?) и, наконецъ, а *small sanctuary*. . . half excavation and the rest completed with rude stone work. Ср. Zeitsch. f. Ethn., XXX, 1898, 526: «die in den Felsen gebauenen Bänke, Terrassen und Treppen»; Lehmann, Armenien, 310: на скалѣ остатки 4 зубцовъ (Felszinnen) и нѣсколько лѣстницъ. Н. В. Ханьковъ (1853) открылъ на Гюверчинкалѣ обрывокъ мусульманской надписи нѣкоего Абу-Насеръ Хусейнъ Вахадуръ хана.

ченную въ скалѣ камеру¹, хотя это сооруженіе лежитъ значительно за предѣлами бассейна Урмійскаго озера. Оно находится на дорогѣ изъ Баязида въ гор. Маку около дер. Сенгеръ, гдѣ сходящіеся невысокіе холмы образуютъ, какъ бы, ворота². Все сооруженіе состоитъ изъ одной большой и двухъ сообщающихся съ ней малыхъ комнатъ (см. рис. 7). Въ большой имѣется противъ входа квадратная ниша въ стѣнѣ, а въ нишѣ еще вырѣзъ въ видѣ полуцилиндра, какъ бы, для камня, но безъ выхода для дыма. На стѣнѣ вправо отъ входа есть еще 3 такихъ «очага». Снаружи, вправо отъ входа выдолблена лѣстница, ступени которой заггибаются полукругомъ на крышу, гдѣ имѣется очень небольшая круглая ямка въ $\frac{1}{2}$ аршина глубиною, служившая, какъ можно предположить, для сбора дождевой воды³.

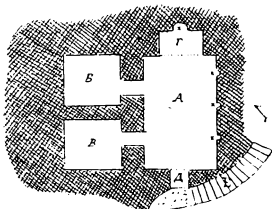

Рис. 7. Комната Сенгеръ.
г. ниша-recess; х. полуцилиндрическіе очаги (?); е. наружная лѣстница.

Прежде всѣ такіе памятники: лѣстницы, бассейны, довольно сложныя по плану комнаты, считались остатками культа огня, теперь же есть склонность зачислить ихъ въ область халдской культуры, характеризуемой развитіемъ подобныхъ сооружений⁴. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, что баязид-

¹ Не смѣшивать съ «пещерой» надъ гор. Маку, о которой см. замѣтки А. А. Иванова въ газ. «Русск. Вѣд.», 1897, № 335 и мою статью «Макин. древности» въ вып. II Вост. Сборн. Общ. Рус. Ориент. Вполнѣ возможно, что и «пещера» искусственнаго происхожденія и относится къ той же эпохѣ.

² Камера, если ѣхать отъ Баязида, лежитъ съ правой стороны, верстѣ 7 не доѣзжая до Маку.

³ Камеру у Сенгера впервые кратко отмѣтилъ Чириковъ, 506, что является новымъ доказательствомъ точности и вниманія этого путешественника: «въ скалѣ высѣченныя комнаты; ступени наверхъ... и тамъ выдолбленныя вертикальная отверстія воронкой... къ главной комнатѣ примыкаютъ еще 2 боковыя; въ нихъ совершенно темно... въ большую залу теперь барановъ». Назначеніемъ комнаты Чириковъ считалъ погребеніе, а на крышѣ предполагалъ алтарь огня.

⁴ Леманъ считаетъ, что комнаты въ скалахъ и киклопическія стѣны составляютъ общую черту древнѣйшаго до-индоевропейскаго и не-индоевропейскаго слоя населенія Мал. Азій, эгейскихъ острововъ и Греціи. Въ замѣткѣ «Karisch»-Chaldisches (Klio, 1906, VI, 176—8) онъ сопоставляетъ ванскую Топрак-кале съ древностями Феста и Кносса на Критѣ; болѣе подробно см. Jahrb. d. Archäol. Inst., 1905: основными халдскими чертами онъ считаетъ многочисленныя каменные лѣстницы и прямоугольные входы, но указываетъ, что на ряду съ этимъ на западѣ (въ области Харпута) замѣчается типъ круглаго свода (Rundbogen), устройство ступень-террасъ наверху скалъ и цистернъ, выдолбленныхъ въ камнѣ. Надо сказать, что послѣдняя черта широко развита и въ области Урміи. Любопытно, что съ другой стороны типъ дома (Antenhaus), воспроизводимого Факракой и т. д., Herzfeld, о. с., считаетъ типично индоевропейскимъ.

скія камеры¹ породили и сосѣднія сенгерскія сооружеія; точно также и халдская часовня у холма Ашрутъ² находится близъ Салмаса, гдѣ находится Зенджиръ-кала. Шемдинанъ и сосѣдніе пограничные турецкіе округа слишкомъ неизслѣдованы, а г бы нашлись, вѣроятно, и здѣсь сооружеія, служація географическимъ переходомъ къ описаннымъ мною камерамъ Урмійскаго округа. Къ сожалѣнію, у нихъ не имѣется ни надписей, ни изображеній, которыя бы опредѣляли точнѣе ихъ эпоху³. Исполненіе всѣхъ ихъ очень тщательное, единообразное и выказываетъ большое техническое совершенство строителей (ср. закругленія урмійскихъ камеръ)⁴. Комнаты эти — въ противоположность Факракъ — служили по всей видимости для живыхъ людей: на это указываетъ доступность проникновенія къ нимъ, слѣды дверей и, быть можетъ, приспособленія для собираія влаги. Возможно, что именно *дождевая* вода имѣла какое то культовое значеніе (богъ воздуха?), такъ какъ по сосѣдству камеръ (кромѣ Зенджиръ-кала) имѣется проточная вода, да и малый размѣръ нѣкоторыхъ бассейновъ не указываетъ на ихъ практическое назначеніе. Можно подчеркнуть,

¹ Камеры надъ крѣпостью Баязида открыты, повидимому, А. А. Ивановскимъ (въ 1893 г.), см. Матер. по археол. Кавк., VI, 1911; ср. Belck, Die Fels-Sculptur v. Bajazed, Zeitsch. f. Ethnol., 1899, стр. 241, гдѣ изображенъ и весьма важный барельефъ (мужчина, женщина (?) и козелъ). Впрочемъ онъ издавался и раньше, см. Texier, Descrip. de l'Arménie etc., pl. XXXIV, гдѣ, однако, фигуры зарисованы явно неточно: исчезла вся ихъ архаичность. При Белькѣ часть помѣщений въ скалахъ была завалена. По описанію Иванова главная комната имѣетъ 1888×1880×1700 милим.; справа находится меньшая камера. Въ углу первой комнаты 8 ступеней во второй этажъ, гдѣ имѣется сводчатый корридоръ 5 саж.) и отдѣльный узкій проходъ наружу наверхъ скалы. Въ главной комнатѣ имѣется ниша полуцилиндромъ отъ пола до потолка. Рельефъ недавно былъ сфотографированъ І. А. Орбели; см. его «Предварит. отчетъ и т. д.» въ Изв. Акад. Наукъ, 1912, стр. 92б.

² Она описана J. Wünsch'емъ, а надпись (царей Ишпуини и Менуа) переведена D. H. Müller'омъ; см. Peterm. Mitteil., 1889, 115—9 и 139—41 и Denkschriften Wiener Akad., томъ 36 (1888). Памятники эти находятся на р. Кяперъ, крайнемъ ю. з. истокѣ Котура около дер. Паганъ. Надпись помѣщена въ нишѣ въ видѣ рамъ, входящихъ одна въ другую. Отъ надписи прорубленъ въ скалѣ тоннель и лѣстница, выходящая къ колодезю, повидимому, сообщающемуся съ рѣкой Кяперъ. Wünsch не имѣлъ времени осмотрѣть развалины «старого города» (на лѣвомъ берегу), о которыхъ ему говорили. Паганъ, очевидно, и въ армяскія времена пользовался извѣстностью, см. Адонцъ, Армения въ эпоху Юст., 321; на стр. 317 тамъ же, повидимому, недоразумѣніе. Паганъ принять за *Наганъ*).

³ Лѣстницы въ скалахъ считаются весьма типичнымъ для халдовъ явленіемъ, но, конечно, это не исключительный ихъ признакъ. Въ гор. Шуштеръ (т. е. въ области древняго Элама, Сузианы) видѣлъ небольшую скалу, обвѣченную въ видѣ куба, внутри котораго помѣщается такая же камера 4×4 шага; на одной изъ стѣнъ ея видѣнъ знакъ въ видѣ извѣстнаго наконечника копья Мардука. Снаружи лѣстница, какъ у Сенгера, выводитъ на крышу скалы; единственное ея отличіе то, что она идетъ прямо, а у Сенгера загибается.

⁴ Закругленія имѣются и въ Баязидской главной камерѣ. Въ Керето есть совершенно круглая зала.

что постройки въ скалахъ видимо тяготеютъ къ ущельямъ, суженіямъ дорогъ, какъ бы, не желая ускользнуть отъ вниманія путниковъ. Возможно, что онѣ служили и для наблюденія за дорогами, хотя здѣсь есть исключенія (Зенджир-кала). Если халдовъ и жителей береговъ Урмійскаго озера объединялъ религіозный культъ, то вполне допустимо, наконецъ, что высѣченные компаты, служа этому культу, строились халдскими мастерами въ мирныя времена, а не свидѣтельствовали о халдскихъ побѣдахъ.

Факрака отличается весьма опредѣленными чертами отъ всѣхъ другихъ сосѣднихъ «компатъ въ скалахъ», но нельзя все же считать эти отличія за непроходимую пропасть, раздѣляющую эти два рода и два типа сооружений. Ихъ сближаютъ и отдѣльныя детали, какъ, напримѣръ, прямоугольность входовъ, и, главное, общая техника сложныхъ работъ въ камнѣ.

Районъ нашихъ древностей тѣмъ и интересенъ, что на немъ замѣтны переходы, соприкосновенія различныхъ культурныхъ явленій и традицій. Странно видѣть Факраку въ ея обособленности, но, находясь въ данномъ мѣстѣ, она важна, быть можетъ, какъ указаніе на пути проникновенія въ Иранъ западныхъ вліяній; съ другой стороны, окружающіе ее памятники, высѣченные также въ скалахъ, даютъ, какъ бы, почву, на которой могъ прivityться и новый типъ гробницъ, распространившійся затѣмъ далѣе на востокъ и на югъ. Нельзя ли такимъ образомъ видѣть въ Факракѣ связь между культурою халдовъ, самостоятельное существованіе которыхъ прослѣжено до начала VI в. до Р. Х., и непосредственно слѣдующей эпохой возвышенія арийцевъ? Последніе могли поставить новыя задачи техники первыѣхъ.

Во всякомъ случаѣ, наша цѣль — сопоставить извѣстные факты, а не объяснить ихъ; для такой задачи требовалась бы пная специальная подготовка и гораздо болѣе широкая постановка сложнаго вопроса о культурныхъ вліяніяхъ. Между тѣмъ, хотѣлось по мѣрѣ силъ оживить вниманіе къ окрестностямъ Урмійскаго озера, заслуживающимъ этого и по многочисленнымъ остаткамъ древности, и по близости ихъ къ нашему Закавказью.

В. Минорскій.

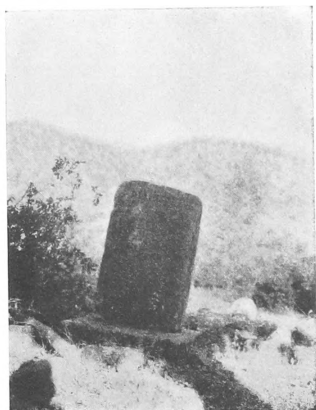

1. Стела Келяшинъ.

2. Окрестность Келяшина.

3. Стела у Топузавá.

Сванскій рельефъ на горѣ Пир-чушгъ вт. Сванскѣ.